

Чужая маска

Автор:

Александра Маринина

Чужая маска

Александра Маринина

Каменская #11

Сотрудница уголовного розыска Анастасия Каменская занимается расследованием загадочной смерти известного писателя. Жена осужденного за умышленное убийство бизнесмена просит частного детектива Стасова доказать невиновность ее мужа... Неожиданные повороты и новые обстоятельства, открывающиеся в этих делах, таинственным образом связаны между собой, приводят к неожиданной развязке.

Александра Маринина

Чужая маска

Три неглавные причины и одна главная

В те годы, когда вышли первые детективы Александры Марининой, словосочетание «книги в пестрых обложках» было столь же устойчиво-безликим, как «новые русские», и употреблялось с таким же негативным оттенком. Имена новых авторов, представленных на необозримом отечественном книжном рынке, существовали исключительно в изустной традиции и передавались от читателя к читателю, минуя критиков.

И все же после выхода в свет очередной книги писательницы сработала накопившаяся «критическая масса». Читательский успех Марининой оказался таким ошеломляющим, что о его причинах – хотя бы с точки зрения социологии – задумались даже наиболее снобистски настроенные критики. Как могло случиться, что подполковник милиции Марина Алексеева стала самым читаемым автором, обойдя признанных профессионалов беллетристики?

Если отбросить расхожее мнение: «публика дура» и «пипл хаваает» исключительно то, что не напрягает мозги, – картина успеха Марининой становится более ясной.

Во-первых, она писала свои книги всерьез. Причем делала это в то время, когда массовая литература почти на сто процентов была отдана на откуп профессиональным писателям старой закалки, решившим немного подхалтурить созданием незамысловатого чтива «для бедных». «Бедные» оказались достаточно умными, чтобы почувствовать снисходительное к себе отношение, порой переходящее в издевку писателей над читателями. И разумеется, что появление автора, который не держит читателя за дурака, было сразу же встречено с восторгом.

Во-вторых, Маринина сделала ставку на ту часть читающей публики, которая во всем мире определяет самые массовые тиражи: на женщин – любителей детективов. Достаточно один раз проехать в московском метро и сравнить количество читающих женщин и мужчин, чтобы убедиться в том, что давно уже известно издателям во всем мире. Впрочем, едва ли Маринина занималась сравнительным анализом (хотя в метро ездила исправно, как и все прочие граждане); вероятнее всего, выбор читателя был сделан ею интуитивно.

В-третьих, Марининой удалось придумать героиню, с которой могло себя отождествить максимально большое число читательниц. Майор милиции Каменская показалась близкой женщинам, которые никогда не работали в милиции, в глаза не видали ни одного преступника, а милиционера наблюдали только с почтительного расстояния. Но огромному большинству этих женщин было близко и понятно мировоззрение Насти Каменской – с ее здравым умом, независимостью, способностью к самоиронии, «фантастической ленью», происходящей от необходимости сосредоточиться на работе, не отвлекаясь на житейские мелочи. Настя читала те же книги, смотрела те же фильмы, что и миллионы женщин, так же, как они, подрабатывала переводами, у нее так же болела спина (у кого из городских жителей она не болит?), и она так же, как ее

замотанные жизнью соотечественницы, не могла утром взбодриться без чашки кофе.

Но при всех этих качествах, делающих героиню узнаваемой и даже типичной, несмотря на ее нетипичную для женщины профессию, – Маринина никогда не добилась бы успеха, если бы не самое главное: ей удалось одушевить книжный образ, сделать Настю Каменскую живым человеком. Как? А вот это и есть загадка, не позволяющая спрогнозировать успех даже с помощью самых современных PR-технологий. Эта загадка в творчестве Марининой присутствует, несмотря на ее совершенно не «загадочный» стиль, и читатели это безошибочно почувствовали и оценили.

И конечно, в книгах Марининой немало «обыкновенных» криминальных загадок, без которых немислим детектив. Причем, как правило, уже к середине каждого романа выясняется, что расследуемое Анастасией Каменской преступление является только первым звеном длинной цепочки.

Вот и «Чужая маска» начинается с расследования убийства модного писателя. Но вскоре Настя (а вместе с ней и читатель) понимает, что причина убийства кроется вовсе не в нравах писательской среды. Что ж, умение находить общие черты в ничем внешне не связанных событиях – главная черта аналитика Анастасии Каменской. И ее создательницы – Александры Марининой.

Татьяна Сотникова

Глава 1

Настя Каменская ушла в работу с головой и недовольно поморщилась, услышав телефонный звонок.

– Ася, у тебя телевизор включен? – слышался в трубке голос мужа.

Алексей всю неделю жил у родителей в Жуковском. В институте, где он работал, начался отчетный период, и он целыми днями пропадал в своей лаборатории, а

от дома родителей до института было не больше десяти минут средним шагом.

– Нет, я работаю, – ответила Настя. – А что в телевизоре?

– По РТР идет очень забавная передача про то, как у вас в милиции права граждан нарушаются. Посмотри, получишь удовольствие.

– Какое уж тут удовольствие, – вздохнула она. – Опять небось пинают нас грязными сапогами.

– Пинают, – со смехом согласился Алексей, – но ваши сопротивляются из всех сил. Ты включи, не пожалеешь. Там приятель твой, генерал Заточный, с ними сражается.

Настя метнулась к телевизору. Да, действительно, на экране возникло знакомое худое лицо Ивана Алексеевича Заточного, одного из руководителей главка по борьбе с организованной преступностью. Впервые она увидела генерала в форме и не могла не признать, что в кителе, отлично сидящем на сухощавом поджаром теле, Заточный смотрелся намного эффектнее, чем в куртке или спортивном костюме – как Настя привыкла видеть его во время их постоянных прогулок.

Противником генерала в этих теледебатах был какой-то плюгавый мужичонка в огромных очках, то и дело сползающих по тонкой переносице на самый кончик длинного носа.

– Ко мне постоянно обращаются граждане, – вещал мужичонка, – с жалобами на то, что в милиции грубо нарушались их права, в том числе и право на телесную неприкосновенность.

В это время на экране появились титры: «Николай Поташов, правозащитник».

– Переводя на русский язык, – продолжал Поташов, – эти люди жалуются на то, что в милиции их избивают и пытаются обманом вынудить признать себя виновными в том, чего они не совершали. Вам, Иван Алексеевич, известны такие факты, или то, что я рассказываю, является для вас откровением?

– Мне, положим, известны и не такие факты, – усмехнулся Заточный. – А вам, уважаемый господин Поташов, известно, что работники милиции иногда оказываются ворами, грабителями, насильниками и убийцами? Мы, если помните, однажды уже пережили эпоху министра внутренних дел, который считал, что козь в милиции попадаютс негодяи и сволочи, то она вся насквозь плохая и нужно ее немедленно всю поголовно обновить. А что из этого получилось, тоже помните? В нашу систему пришли партийные и комсомольские работники, которые вообще ничего в нашем деле не понимали, зато, как предполагала тогдашняя идеологическая доктрина, были все до одного честные и порядочные. Правда, очень скоро оказалось, что они в плане честности ничуть не отличаются от всех остальных милиционеров, а работать не умеют, и в результате работа по раскрытию преступлений и их предупреждению оказалась разваленной. Я это к тому говорю, что работники милиции в своей массе точно такие же, каково население в целом. В нашу систему сотрудники не с неба падают, их не в инкубаторах выводят. Они родились и выросли в нашей среде, так почему они должны быть лучше, чем мы все?

– Ну, уж это ваше заявление не выдерживает никакой критики! – всплеснул руками правозащитник Поташов. – Зачем государству такая милиция, которая ничем не отличается от основной массы населения? Весь смысл вашей системы в том, что в нее должны приходить лучшие, чтобы бороться с худшими. Это принцип построения любой правоохранительной системы в любой стране.

– А как вы собираетесь отличать лучших от худших? – иронично поинтересовался генерал. – У них что, на лбу написано?

– Должен быть строгий отбор и полная непримиримость к малейшим проступкам, не говоря уже о служебных нарушениях, – твердо заявил Поташов. – Только так вы сможете очистить свои ряды от тех негодяев, которые издеваются над гражданами.

– Хорошо, Николай Григорьевич, мы так и сделаем. Завтра вашу квартиру обворуют, вы позвоните в службу «ноль два», а там вам никто не ответит: мы всех девушек уволили, потому что они или на работу опаздывают, или с гражданами недостаточно вежливо разговаривают, или совершают административные проступки, например, нарушают правила дорожного движения. Тогда вы позвоните в свое отделение милиции, и там вам скажут, что всех сыщиков поувольняли и ехать к вам некому. Один дежурный остался, потому что должен же кто-то на телефоне сидеть. И что ж вы думаете, нам так

легко будет новых сотрудников набрать? Умных, образованных, вежливых, профессионально грамотных и неподкупных. Умные и образованные юристы уже давно по фирмам да службам безопасности разбежались, им наша милицейская зарплата – тьфу, даже сказать стыдно.

– Что же, по-вашему, выходит, лучше плохие милиционеры, чем совсем никаких? – взвился Поташов. – Это уж, знаете ли, вообще ни в какие рамки...

– Не передергивайте, Николай Григорьевич, – едва заметно поморщился Заточный. – Я так не говорил. Я пытался объяснить вам, что ту элиту, о которой вы мечтаете, взять негде. Нечем нам их привлечь к себе, понимаете? И потом, есть еще один немаловажный аспект – а где их готовить? Сыщиков и следователей учить нужно, а где? Вы хотя бы приблизительно представляете себе, какие здесь существуют проблемы?

– Насколько я знаю, только в одной Москве существует целых три высших учебных заведения МВД. Неужели этого мало?

– Увы, – развел руками Заточный, – мало. Я вам приведу только один пример – Московский юридический институт. Площадей не хватает, прием слушателей на первый курс ежегодно увеличивается, институт вынужден арендовать учебные помещения по всей округе, занятия идут в три смены в четырех разных зданиях. А сколько за эту сумасшедшую работу получают преподаватели? В переводе на общепонятный коэффициент – около трехсот долларов, это вместе с доплатами за офицерское звание, за выслугу лет и за ученую степень. Так скажите мне, уважаемый Николай Григорьевич, кто в таких условиях будет учить будущих работников милиции? Да пусть у нас в Москве будет не три, а десять высших учебных заведений, где ж мы наберем преподавателей для этой адской работы? Опять-таки я говорю все это не для того, чтобы вас разжалобить, а для того, чтобы вы поняли, что в нынешних условиях милиция – это то же самое население, не хуже, но и не лучше. А для того, чтобы заниматься отбором элиты, нужно, чтобы к нам на работу стояла очередь...

Насте стало скучно. Все это она слышала неоднократно, да и не только слышала, а сама много раз говорила.

– И все-таки все эти ваши трудности не оправдывают фактов нарушения прав граждан работниками милиции. Никакими трудностями нельзя оправдать

нарушения закона. Люди идут в милицию со своей бедой, надеются на помощь и сострадание, а что они видят?

– Минуточку, – поднял ладонь Заточный. – Мы о чем с вами говорим? О том, что в милиции плохо обращаются с потерпевшими или все-таки с преступниками? То, что с потерпевшими бывают недостаточно вежливы и терпеливы, нас не украшает, но нарушения гражданских прав здесь нет, поэтому давайте не будем уходить от темы нашей дискуссии...

Настя ушла на кухню и поставила чайник на огонь. Раз уж она все равно оторвалась от работы, так хоть поест заодно. Плохо, когда Лешки нет, готовить для себя она ленится, приходится перебиваться бутербродами и кофе. Отрезав два толстых ломтя буженины, Настя щедро полила их кетчупом, немного подумала и выложила из банки на тарелку несколько ложек консервированного зеленого горошка. Вполне приличная имитация мяса с овощами.

Когда чайник закипел, она налила себе огромную чашку крепкого кофе, поставила ее на поднос вместе с бужениной и горошком и устроилась в кресле перед телевизором.

– ...практикуются незаконные осуждения, в местах лишения свободы оказываются невиновные. Эти люди пишут мне из колонии, а после освобождения приходят сами и просят защитить их, добиться правды и реабилитации. Я допускаю, что нераскрытое преступление может оказаться следствием недостаточной квалификации следователя и оперативного работника, но когда преступление, с позволения сказать, раскрывается таким вот образом, то есть за счет невиновного, это уже может быть связано только со злым умыслом. И оправдания этому нет и быть не может! – горячо говорил Поташов.

– У вас есть конкретные факты? – вмешался ведущий. – Если вы представите нам документы по таким фактам, мы пригласим экспертов из числа наиболее компетентных сотрудников правоохранительной системы и попросим в нашей следующей передаче прокомментировать их. Наше время, к сожалению, подходит к концу. Я благодарю всех участников передачи и напоминаю, что спонсором нашей программы является...

Настя выключила телевизор и снова погрузилась в размышления об аналитической справке, которую готовила для своего начальника. Конец года – у всех отчетный период, не только у научных работников, таких, как ее муж Алексей Чистяков. Хорошо, что завтра воскресенье. Если ничего экстренного не произойдет, она, пожалуй, сумеет закончить справку и в понедельник отдаст полковнику Гордееву. Но от разноса на оперативном совещании это ее все равно не спасет: убийство модного молодого писателя Леонида Параскевича висит на ней мертвым грузом и вот уже две недели ни с места.

Поскольку в чашке еще оставался кофе, а вставать с уютного кресла ей не хотелось, она решила позвонить Заточному.

– Иван Алексеевич, вы стали телезвездой, – шутливо поприветствовала она генерала.

– Да ну вас, – отмахнулся тот. – Будете теперь издеваться. Вам только попади на язычок.

– А вы не попадайтесь. Нет, правда, вы выглядели очень уверенным, не то что ваш оппонент. Откуда он взялся?

– Понятия не имею. Меня с ним уже в студии познакомили. Должен вам сказать, он не такой уж противный, каким кажется на первый взгляд. Манеры, конечно, чудовищные, но мужик он толковый. Кстати, почему вы перестали гулять в парке? Мы с вами почти два месяца не встречались.

– Холодно, декабрь же.

– Не годится. Гулять надо обязательно, иначе потеряете работоспособность. Завтра жду вас в восемь утра там же, где обычно.

– Иван Алексеевич, спать хочется, рано уж очень. Может, хотя бы в десять?

– В восемь, – рассмеялся генерал. – Мир принадлежит тем, кто рано встает. И потом, не надо нарушать традиции.

– Ладно, – тяжело вздохнула Настя, – не будем нарушать.

* * *

Санаторий располагался в двадцати километрах от Кольцевой автодороги, добираться туда было удобно, и Сергей Николаевич Березин навещал Ирину ежедневно, а иногда и по два раза в день.

Они неторопливо прогуливались по заснеженным аллеям, изредка кивая идущим навстречу людям. Ирина находилась здесь уже три недели и со многими была знакома.

– В понедельник я тебя заберу домой, – сказал Березин. – Два дня побудешь дома, а в среду у нас мероприятие. Ты готова?

– Я боюсь, – тихо сказала Ирина. – А вдруг у меня не получится?

– А ты настройся. Ты – моя жена, все время помни об этом и не теряй уверенности. Тогда все получится.

– Вдруг я что-нибудь ляпну? Я же ничего в ваших делах не понимаю.

– А ты и не должна понимать. Политика – это не женское дело, так всем и говори. Будь милой, приветливой, улыбайся, в дискуссии не вступай, и все будет в порядке. Ты несколько месяцев лежала в клинике, потом три недели провела в санатории, вполне естественно, что ты не в курсе последних событий. И самое главное – не стесняйся говорить, что ты чего-то не помнишь. Ты же попала в аварию, у тебя было сотрясение мозга, после этого вполне нормально, что начались проблемы с памятью. Все же люди, все это понимают. Если почувствуешь, что-то не так, у тебя начнет кружиться голова – разыщи меня в этой толпе. Не бойся, Ирочка, все будет хорошо.

– Знаешь, многие считают, что жена политика должна быть его соратницей и разбираться во всех его делах. Если я окажусь круглой душой, меня просто не поймут.

– А мы с тобой считаем, что жена должна обеспечивать мужу крепкий тыл, оказывать ему моральную поддержку во всех начинаниях, быть хозяйкой и просто любимой женщиной. Потому что ни один мужчина не в состоянии

заниматься своим делом, если у него за спиной не стоит любимая и любящая женщина, в которой он уверен. Запомнила?

– Запомнила, – слабо улыбнулась Ирина. – А вдруг меня начнут спрашивать про твою первую жену?

– А ты ничего не знаешь, это вообще не твое дело.

– Но ведь считается, что это я вас развела. Если я начну напирать на крепкий тыл и любимую жену, разговор может выйти на нее. Как тогда быть?

– Мило улыбайся и отвечай, что эта тема тебе неприятна. Что может быть естественней? Ирочка, я еще раз повторяю, если ты сама не будешь бояться, все пройдет отлично. Пойдем, я провожу тебя до корпуса, ты, наверное, замерзла.

– Да, немного. – Она зябко повела плечами. – Эта шуба такая холодная, никак к ней не привыкну. Моя дубленка была теплее.

– Что поделать, привыкай. Жена политика не должна ходить в дубленке, это неприлично.

– Ты уже говорил, я не забыла.

Они молча дошли до ярко освещенного входа в корпус и вошли в холл. Березин нежно поцеловал ее в щеку, дождался, пока за Ириной закроются двери лифта, и вышел на улицу. Несмотря на все успокаивающие слова, которые он ей говорил, сам Сергей Николаевич нервничал ничуть не меньше. А может быть, и больше. Две Ирины в его жизни. Две Ирины. Одна оказалась сущим адом, проклятием. А чем окажется другая? Спасательным кругом или ловушкой, в которую он сам себя загоняет?

* * *

Тяжело переставляя ноги, Галина Ивановна Параскевич шла домой из магазина. Сумки с продуктами были неподъемными, и она все пыталась взять в толк, для чего она столько накупила. По привычке, наверное. Двадцать семь лет они в семье справляли Новый год торжественно, обязательно с елкой и подарками под

ней, приглашали друзей и родственников. Потом, когда Ленечка подрос, на Новый год приходили его друзья, потом и девушки. А уж когда женился, то и Светочкины родители и подружки. В доме Параскевичей этот праздник любили, готовились к нему загодя и отмечали шумно и весело. А теперь Ленечки нет больше... Две недели как схоронили. И зачем она тащит домой все эти продукты? Какой теперь праздник? Горе, одно безысходное, нескончаемое горе.

В декабре темнеет рано, еще только семь часов, а кажется, будто ночь. Галина Ивановна свернула в проход между домами, там фонари не горели, но зато путь к дому был короче.

– Мама, – слышался тихий и какой-то неземной голос.

Галина Ивановна замерла, руки сами собой разжались, и сумки упали на снег.

– Ленечка, – прошептала она. – Ленечка, сынок.

– Мама... – Голос, казалось, куда-то удалялся, делался все тише и тише, но никому другому он принадлежать не мог. Только Леониду. – Мама, теперь ты довольна? Теперь все, как ты хотела.

– Леня!!! – закричала Галина Ивановна во весь голос и тут же опомнилась.

Какой Леня? Леня на кладбище, в колумбарии. А вот душа его, невинно загубленная, до сих пор успокоения не найдет, потому и мерещится ей его голос. В который раз уже мерещится. Никогда он ей не простит, что Светлану невзлюбила с первого дня. Хоть и делала вид, что хорошо относится к невестке, а все равно нет-нет да и проскользнет недовольство. Ленечка чуткий был, настроение матери понимал с полувздоха. Иногда в порыве говорил ей:

– Ты была бы счастлива, если бы Светка в твоём доме не появлялась. И почему ты её так не любишь? Но имей в виду, пока она моя жена, она будет приходить сюда вместе со мной.

Конечно, он был прав, что и говорить. Галина Ивановна Светлану не просто не любила – видеть её не могла. И дело здесь было не в Светлане как таковой, а в том, что она – жена сына, она теперь его хозяйка, она видит его чаще и

проводит с ним больше времени, чем мать. И сын думает о ней больше, чем о матери. И скучает без нее сильнее, чем без матери. Что же, выходит, она его растила, одевала, кормила, учила, лечила, а все для того, чтобы потом этот сильный, красивый, образованный парень достался уже готовеньким какой-то там... И все, и мать побоку. Галина Ивановна изо всех сил старалась найти в невестке явные и тайные недостатки, чтобы оправдать свою ненависть к ней, и не понимала, что, будь она даже ангелом во плоти, ничего бы не изменилось. Все равно не любила бы, все равно ненавидела бы и со свету сживала. Как говорилось в старой шутке, кого бы там себе ни выбрал, она мне уже не нравится.

Вот теперь, после Ленечкиной смерти, и мерещится Галине Ивановне его голос. Упрекает ее сын, простить не может. Конечно, теперь Светлана вроде как уже и не член их семьи, живет отдельно, к ним в дом ходить не будет. Ну и ладно. Век бы ее не видеть.

Подняв валяющиеся в снегу сумки, Галина Ивановна поплелась домой.

* * *

Чтобы не замерзнуть, Настя надела на себя три свитера – один тонкий, типа водолазки, с высоким воротом, другой – потолще, а третий совсем свободный, толстой вязки и длиной до колен. Обмотав шею пушистым шарфом, она натянула сверху пуховик и подумала, что теперь, пожалуй, сможет выдержать ритуальную прогулку с Иваном Алексеевичем.

Заточный ждал ее, как обычно, на платформе метро «Измайловская», невысокий, худощавый, в куртке, накинутой поверх спортивного костюма, и с непокрытой головой.

– На вас смотреть холодно, – улыбнулась Настя, подходя к нему. – Как бы мне научиться не мерзнуть? А где Максим?

– Наверху, по киоскам бегают, ищет подарок для своей девушки к Новому году.

Сын генерала заканчивал школу и собирался поступать в тот самый Московский юридический институт, о бедах и проблемах которого так хорошо был

осведомлен Заточный. Иван Алексеевич всерьез занялся спортивной подготовкой Максима, потому что нормативы для поступления в институт были довольно суровыми.

Они вышли на улицу и не спеша пошли в сторону парка. Вскоре их догнал запыхавшийся Максим.

– Здравствуйте, тетя Настя, – бросил он на бегу и помчался вперед.

– Чудно как-то, когда меня называют тетей, – сказала Настя. – Сразу начинаю чувствовать себя старухой. Пусть ваш сын называет меня просто по имени, ладно?

– Нет, не ладно, вы – человек, с которым я дружу, стало быть, вы стоите на одной доске со мной. Между ним и вами дистанция должна быть такой же, как между ним и мной. Понятно?

– Понятно, – вздохнула она. – В угоду вашим педагогическим принципам я должна не только истязать себя ранним вставанием, но и постареть лет на пятнадцать. Кстати, Иван Алексеевич, хочу задать вам вопрос, который, наверное, надо было бы задать намного раньше. Вы живете вдвоем с сыном?

Генерал помолчал, потом посмотрел на Настю в упор и коротко ответил:

– Да.

Ей стало неудобно расспрашивать, но ведь ответа на свой вопрос она, по большому счету, так и не получила. С Иваном Алексеевичем Заточным Настя познакомилась меньше года назад, в марте, когда занималась убийством, совершенным в «Совинцентре». Одним из подозреваемых оказался подполковник Платонов, работавший в главке у Заточного. Подружились они как-то на удивление быстро, и Настя еще долго недоумевала: отчего ей так нравится этот невысокий лысеющий человек, причем нравится до такой степени, что это уже граничило с влюбленностью. Именно тогда, весной, они и стали два раза в месяц по воскресеньям гулять в Измайловском парке. Бродили по аллеям и разговаривали ни о чем или просто молчали, а Максим или бегал взад-вперед, готовясь к кроссу, или занимался на турнике. Иногда Насте приходилось звонить генералу домой, но ни разу к телефону не подошла женщина. Более того, за

столько месяцев знакомства Заточный ни разу не упомянул ни о матери Максима, ни о своей жене, поэтому Насте оставалось только теряться в догадках: женат ли Иван Алексеевич и если женат, то на ком – на матери своего сына или уже на другой женщине. Женат? Разведен? Вдовец? Холостяк, усыновивший чужого ребенка? Ей никогда не приходило в голову спросить об этом. А если судить по краткости ответа, то генерал не был расположен обсуждать тему.

– Анастасия, вас подключили к делу Параскевича? – спросил Заточный.

– Сразу же, – кивнула она. – Только я не понимаю зачем. По-моему, в округе прекрасно справились бы и без нас. Он же не банкир и не рэкетиер. Организованная преступность, которую вы так любите, там не пляшет ни под какую музыку.

– Расскажите подробнее, – попросил генерал.

– Параскевич Леонид Владимирович, двадцати восьми лет от роду, был убит при выходе из лифта в своем собственном доме. Застрелен из пистолета с глушителем. Труп обнаружила жена Параскевича Светлана. Она ждала его, но не особенно волновалась, потому что Параскевич был в гостях у приятеля. Около часа ночи она подошла к окну, чтобы задернуть шторы, и увидела внизу, на улице, машину мужа. Машина стояла как раз под фонарем и была прекрасно видна. Светлана заметила, что машина странно поблескивает, а через секунду догадалась, что ее уже успел припорошить снежок, стало быть, стоит она здесь не пять минут. Она выскочила из квартиры и увидела мужа, лежащего у лифта. Вот, собственно, и вся прелюдия. С точки зрения криминалистики ситуация абсолютно дохлая.

– Почему?

– Дело в том, что Параскевичи незадолго до несчастья переехали в новый дом. Дом, конечно, роскошный, но пока еще не телефонизированный. Это первое. Второе – в этом доме, как и в очень многих других, квартиры, лифтовая шахта и лестница отделены друг от друга дверьми. Более того, лестница на уровне каждого этажа имеет выход на балкон. Третье: дом, как я уже сказала, только начал заселяться, жильцы друг друга совсем не знают и своего от чужого отличить не могут. И вот представьте себе, выходит Светлана Параскевич из

своей квартиры, открывает дверь, отделяющую отсек с квартирами от коридора с лифтами, и видит лежащего на полу мужа, не подающего признаков жизни. Что она делает, как вы думаете?

– Кричит, наверное, – предположил Заточный. – Или падает без сознания.

– Кричит, – подтвердила Настя. – На ее крик долго никто не выходит, потому что на том этаже, где живут Параскевичи, заселено только три квартиры из десяти, соседи друг с другом еще незнакомы и, естественно, боятся. А на других этажах крик не слышен, хоть оборись. Наконец выполз сосед, увидел лежащего Параскевича и обезумевшую Светлану и сообразил, что нужно звонить в милицию. Он вообще оказался мужиком расторопным и неглупым, подумал даже о том, что Светлане самой нужно оказать медицинскую помощь. Короче говоря, побежал он по этажам и принялся звонить во все квартиры подряд с двумя вопросами: нет ли у хозяев сотового телефона и нет ли среди них врача? Дом, как я вам напоминаю, не телефонизированный. Врач, к счастью, нашелся, и телефон сотовой связи тоже, так что милицию хоть и не сразу, но вызвать удалось. Вы же понимаете, когда во втором часу ночи звонят в квартиру, должно пройти немало времени, пока с вами начнут хотя бы через запертую дверь разговаривать, не говоря уж о том, чтобы ее открыть. В доме двадцать два этажа, Параскевичи живут на третьем, а телефон нашелся только у жильцов семнадцатого этажа. Прикиньте, сколько времени наш расторопный сосед мотался по дому.

– Догадываюсь, чем дело кончилось, – усмехнулся Иван Алексеевич. – Вокруг потерпевшего и его жены собралась хорошенькая такая маленькая толпа, площадку, лифты и лестничный балкон затоптали, и к приезду дежурной группы криминалистам можно было отдыхать. А что по выстрелу?

– Выстрел произведен от порога двери, отделяющей лестницу от площадки с лифтами. Балкон выходит на ту же сторону, что и окна квартиры Параскевичей. Видимо, убийца стоял себе на балкончике, покуривал, ждал Леонида Владимировича. Увидел, как тот подъехал на машине, дождался, когда жертва поднимется в лифте на свой этаж, и нажал на спусковой крючок. Просто, выгодно, удобно. Знаете, Иван Алексеевич, если бы я была мэром, я бы запретила утверждать архитектурные проекты без визы криминалистов. Уже лет двадцать пять в Москве строят эти идиотские дома, в которых лифты, квартиры и лестницы существуют отдельно, а на первых этажах никто не живет. Такое впечатление, что они специально разрабатывали проекты домов, в которых

удобно совершать преступления. У меня родители как раз в таком доме живут, так в их подъезде в течение шести месяцев произошло два совершенно однотипных убийства с ограблением. И никто ничего не слышал, хотя жертвы орали как резанные, судебные медики в один голос утверждали, что об этом свидетельствует состояние голосовых связок. Короче говоря, Иван Алексеевич, никто не слышал, как стреляли в Параскевича, никто убийцу не видел и никто, как водится нынче, ничего не знает и даже не предполагает. По заключению судмедэксперта, смерть Параскевича наступила в промежутке от ноля до ноля тридцати, то есть к тому моменту, как его обнаружила жена, он уже не менее получаса лежал возле лифта мертвым. А если бы она случайно не выглянула в окно или если бы Параскевич поставил машину в другом месте, кто знает, когда его нашли бы. Так или иначе, у убийцы был вагон времени, чтобы убраться с места преступления подальше.

– Сочувствую вам, – очень серьезно сказал генерал. – Оружие нашли?

– А как же, – хмыкнула Настя. – Сейчас дураков нет, чтобы оружие с собой уносить и обратно в шкафчик на кухне прятать. Оружие лежало там же, рядом с трупом. Симпатичный такой пистолет с глушителем. И номера все спилены. Это тоже стало доброй традицией. По пулегильзотеке проверили – чистый, в деле не был.

– Совсем беда, – согласно кивнул Заточный. – Но это по убийству. А по потерпевшему что есть?

– Тоже немного. Но, в общем, кое-что можно выкрутить. Леонид Параскевич был весьма популярным писателем. И знаете, на чем он прославился? На женских романах. Не детективы, не фантастика, не звездные войны и киборги-убийцы, а женские любовные романы. Книги шли нарасхват. Он начал писать лет пять-шесть назад, и сразу получилось удачно. Первая же вещь, которую дамы и девицы, естественно, покупали «на пробу», завоевала сердца читательниц всерьез и надолго. Отныне они ждали его романы, спрашивали у продавцов, просили оставить, как только появится что-нибудь новенькое. К моменту гибели Параскевич написал двадцать шесть любовных историй, и все они вышли в разных издательствах довольно приличными тиражами. Все бы ничего, Иван Алексеевич, но меня в этой связи интересует вопрос: был ли Параскевич богат, и если да, то где его деньги, а если нет, то почему? Автору такого класса, каким был Леонид Владимирович, в издательствах должны платить самое меньшее по двести долларов за авторский лист, а написал и издал он более пятисот листов.

Подчеркиваю, двести долларов – это минимум. По-хорошему-то должны платить четыреста. Он писал невероятно быстро. И вообще был очень талантливым. Я серьезно, Иван Алексеевич, – добавила Настя, заметив, что по лицу генерала скользнула усмешка. – Я ведь не поленилась, прочитала несколько его книг, выборочно, две первые, две – двухгодичной давности и три самые последние. Он действительно здорово пишет, соплей – минимум, и знание женской души – просто на удивление. Видно, его жена постоянно консультировала. Так вот, если ему платили по минимально приличной ставке, он должен был заработать за пять лет больше ста тысяч долларов. А где они? Машина у него старенькая, приобретена еще до того, как он начал столь успешно издаваться. Квартира досталась ему практически даром, потому что до этого они с женой жили в двухкомнатной, жутко запущенной, сто лет не отремонтированной квартире, но зато в пределах Садового кольца. Эту квартиру «новые русские» у него с руками оторвали, отвалили за нее столько, что ему вполне хватило на прекрасную трехкомнатную в новом доме, правда, у черта на куличках, куда еще и метро не ходит. Переехали они, как я уже сказала, дней за десять до убийства, мебель новую только-только начали приобретать, до этого все пять лет супружеской жизни жили скромно, за границу отдыхать не ездили, мехов и бриллиантов не покупали. Так вот, я, как говорят в Одессе, интересуюсь знать: где деньги? Неутешная вдова на мой нескромный вопрос о деньгах ответила, что у них имеется в наличии тысяч двадцать долларов, на которые они и планировали обставить квартиру и, может быть, если останется что-нибудь, поменять машину на более новую.

– Так где же деньги? – с неожиданным интересом спросил генерал. – Вы меня прямо заинтриговали, Анастасия. Вам удалось что-нибудь выяснить?

– Увы, Иван Алексеевич. Есть только одна версия, и та не моя, а принадлежит супруге покойного, Светлане Параскевич. Она утверждает, что Леонид был человеком невероятно мягким и интеллигентным, он никому не мог отказать, никому не мог сказать «нет». Его все обманывали, а он всем верил, и даже, может быть, не столько верил, сколько стеснялся продемонстрировать недоверие. Короче, Светлана Параскевич рассказала, что после удачного первого романа и после того, как второй разлетелся с прилавков в мгновение ока, к Леониду пришел его старый школьный приятель и, краснея и бледнея от смущения, признался, что занимается издательской деятельностью, но что-то дело у него не идет – то ли авторов хороших нет, то ли невезуха ему судьбой предназначена. И не будет ли старый школьный друг Леня так добр, не напишет ли для его издательства две-три новые вещи, чтобы фирма могла хоть чуть-чуть окрепнуть и на ноги встать. На Лениных новых книжках, изданных большими

тиражами, издательство сможет хотя бы залатать основные дыры. Только уж извиняйте, господин хороший, большой гонорар мы вам заплатить не можем, потому как на мели сидим. Ну, выручи, христом-богом прошу, ну что тебе стоит, ну хоть одну книжку, а? Ты же так быстро пишешь, тебе же эту книжку написать – раз плюнуть, два месяца – и готово. В общем, уговорил. Написал Параскевич для него очередной бестселлер, издательство сделало на нем хорошие деньги, а гонорар автору выплатило в размере шестисот долларов, иными словами – по цене в сорок долларов за лист. Снова прибежали, слова благодарности говорили, очень просили написать еще, чтобы, значит, издательство уж совсем крепко на ногах стояло. И гонорар даже увеличили, предложили целых восьмисот долларов за книжку. Он снова согласился. А дальше так и пошло. Эти суки поняли, что разжалобить Параскевича легко, особенно если к нему приходит не совсем уж чужой человек, а хотя бы шапочно, но знакомый. И все по очереди стали ему петь песни про бедственное положение и про то, что он, написав для них всего одну книгу, осчастливит их и облагодетельствует. Но лучше, конечно, не одну, а две-три. И он ловился. Уж не знаю, то ли он действительно был таким супердоверчивым, то ли знал, что врут, да отказывать не умел, но он продавал свой труд за такие жалкие гроши, что даже сказать неприлично. Причем все издатели, которые приходили с подобными просьбами, использовали один и тот же трюк. У меня такое впечатление, что они все были в сговоре, делились опытом, а заодно и прибылью от продажи тиражей. Потому что вся эта история напоминает хорошо организованную кампанию.

– Вы начали про трюк, – напомнил Заточный.

– Да, про трюк. Так вот, каждый раз после того, как в очередном издательстве впервые выходила книга Леонида Параскевича, издатель с унылым видом говорил, что тираж «не пошел», что у каждого издательства есть свой круг читателей, что люди, которые читают, знают и любят Параскевича, покупали его книги, изданные другими издательствами, так что на продукцию данного конкретного издательства они внимания не обращают и не ожидают «встретить» здесь романы Параскевича. Очень жаль, но залатать финансовые дыры при помощи одного-единственного романа известного писателя не удалось. Вот если бы он написал еще одну вещь...

– И он, конечно, писал.

– Конечно. В итоге – двадцать шесть книг, а в кармане чуть больше двадцати тысяч долларов.

– И вы, конечно, ищите его убийцу среди книгоиздателей.

– Естественно, – подтвердила Настя. – Где же мне, горемычной, еще его искать?

– А Параскевич чем-нибудь занимался, кроме того, что романы писал?

– Насколько мне известно, ничем. Он уже заканчивал факультет журналистики, когда написал и опубликовал свой первый любовный роман. И после окончания университета уже не стал устраиваться ни на какую службу – ни на государственную, ни в частный сектор, а сел за письменный стол и занялся художественным творчеством. В коммерческих операциях участия не принимал, в вашей службе на него ничего нет.

– А ревность и прочая бытовуха? Не хотите там поискать?

– Хочу, но рук не хватает. Знаете, Иван Алексеевич, этот Параскевич был, по моему, глубоко несчастен.

– Что, проблемы с женой?

– Скорее с матерью. Мать у него – такая, знаете ли, особа, которая искренне считает всех окружающих глупее себя. Вот, например, о своей невестке Светлане она отзывается следующим образом: я, дескать, не была в восторге от Лениного выбора, но, в конце концов, не мне с ней жить, а ему, поэтому я всегда была приветливой со Светочкой и всеми силами старалась ее полюбить как родную. У нас с невесткой были прекрасные отношения, мне очень скоро удалось преодолеть неприязнь к ней, ведь самое главное для меня – чтобы мой сын был счастлив. А сама Светлана и многие друзья Параскевичей, как старших, так и младших, в один голос утверждают, что Галина Ивановна так люто ненавидела невестку, что даже не умела этого скрывать, хотя, может быть, и старалась. Ненависть выплескивалась во всем, в каждом слове, в каждом взгляде, в жесте. В любой мелочи. А Галина Ивановна свято уверена, что она – великая актриса и о ее истинных чувствах никто не догадывается. Властная, нетерпимая к чужому мнению, если оно не совпадает с ее собственным, все за всех решает, всегда знает, кому как лучше поступить. В общем – чума. У таких матерей обычно вырастают очень несчастные дети, потому что эти дети с младенчества приучены беспрекословно слушаться, боятся делать наперекор и

при этом тихо ненавидят мать. Ненависть с каждым днем, с каждым годом накапливается, но страх перед матерью не позволяет ей выплескиваться наружу криком или просто резким замечанием, поступком. Представляете, в каком аду живут эти несчастные дети? Им уже за пятьдесят, а матери продолжают их третировать, смотреть в рот и давать советы, что нужно есть, а что нельзя, критически оглядывать одежду и комментировать их стиль и манеру одеваться. Они суют нос во все семейные проблемы детей, осуждают их супругов, дают рекомендации по воспитанию внуков, командуют, распоряжаются, повышают голос, позволяют себе грубости и бестактные выходки.

– И что же, мать Параскевича именно такая?

– Один в один, – подтвердила Настя. – Даже хуже. А жена у него очень милая, мне она понравилась. По-моему, она по-настоящему любила своего мужа...

* * *

Светлана Параскевич повернулась на бок и стала осторожно вылезать из-под теплого пухового одеяла. Она старалась не потревожить лежащего рядом мужчину, но он все-таки открыл глаза, быстрым жестом обхватил ее за плечи и уложил обратно, крепко прижав к себе.

– Ты куда это собралась?

– Пойду чайник поставлю.

– А поцеловать? Как это можно – оставить любимого мужчину одного в комнате и уйти, не поцеловав его?

Светлана нежно поцеловала его в губы, в глаза, в щеки.

– Я тебя обожаю, – прошептала она. – Ты – невероятный. Лучше тебя никого нет.

– А твой покойный муж?

Она расхохоталась звонко и весело.

– Только мой покойный муж может сравниться с тобой, – проговорила она, глядя мужчине по плечам и груди. – Но ты все равно лучше. Ты свободнее, а значит – сильнее. Ты независим. Ты можешь себе позволить, в отличие от него, быть гордым. Ведь у тебя нет такой матери, какой была моя свекровь.

– Но у меня нет и такого таланта, какой был у твоего мужа. Кто я в сравнении с ним? Жалкий учитель русского языка и литературы, получающий гроши.

– Это неважно, – тихонько сказала Светлана, обнимая его. – Ты мужчина, которого я люблю. А талант тебе и не нужен. Достаточно того, что он есть у меня.

Глава 2

По квартире разливался аромат крепкого, только что смолотого и сваренного кофе. Сергей Николаевич Березин сладко потянулся под одеялом и привычно протянул руку на другую половину огромной супружеской кровати. Протянул – и тут же отдернул. Все месяцы, пока Ирина была в клинике и в санатории, он знал, что дома ее нет, поэтому даже спросонок не забывал об этом. Но вчера он привез ее сюда, и подсознание дало команду: раз жена в квартире, она должна быть в супружеской постели.

А ее нет. Нет и быть не может. Ирина будет спать в маленькой комнате на диване. Она сама сделала выбор, хотя Березин предлагал ей занять спальню.

Сергей Николаевич легко выпрыгнул из-под одеяла, сделал несколько взмахов руками, чтобы разогнать кровь, натянул джинсы и отправился в ванную. Через десять минут, выбритый и благоухающий хорошей туалетной водой, он появился в кухне. Ирина сидела на стуле, некрасиво сгорбившись, непричесанная, в небрежно застегнутом халате и в тапочках со стоптанными задниками. Березин недовольно поморщился, не сумев скрыть неудовольствия.

– Доброе утро, – сдержанно сказал он.

– Здравствуй, – вяло откликнулась Ирина.

– Ты плохо себя чувствуешь? – вежливо поинтересовался он.

– Нормально.

Она пожала плечами и отпила кофе. Березин заметил, что чашка была не из сервиза, стоящего на кухне в застекленном шкафчике, а из тех разномастных, с отколотыми ручками и царапинами, которые использовались для отмеривания, например, сахара, или муки, или воды, или крупы. Та Ирина никогда не стала бы пить кофе из этих чашек.

– Тогда почему ты в таком виде?

– А что? Чем тебя мой вид не устраивает? Я же дома, а не на приеме в посольстве.

– Ира, ты не должна забывать – ты моя жена. Пожалуйста, веди себя соответственно.

– Но ведь здесь нет никого, – искренне удивилась она, и Березин понял, что Ирина действительно не понимает, чего он от нее хочет.

– Пойми, – мягко сказал он, наливая себе кофе в красивую чашку из тонкого фарфора, – ты не должна расслабляться даже дома. Ты должна все время вести себя так, как будто за тобой наблюдают десятки глаз. Только так ты сможешь обрести уверенность и стать настоящей женой политика. Если ты будешь делить свое поведение на две категории – «для дома» и «для людей», – ты обязательно допустишь грубую ошибку, причем публично. И первое, что ты должна сделать, – не ходить дома распустехой и не пить кофе из битых чашек, даже когда ты одна.

Ирина молча вышла из кухни, и Березин с досадой подумал, что она оказалась более обидчивой, чем он предполагал. Намучается он с ней. Ирина вернулась через несколько минут в длинной, до пола, вязаной юбке, узкой и прямой, и в трикотажной блузке с длинными рукавами, завязанной на животе в узел и открывающей маленький кусочек ослепительной кожи. Волосы ее были стянуты на затылке и закреплены в узел, губы слегка подкрашены. Теперь она, тонкая и изящная, напоминала натянутую струну, готовую при умелом прикосновении откликнуться мелодичным звуком.

Не говоря ни слова, Ирина вылила в раковину остатки кофе из своей чашки с щербатыми краями, достала чашку из сервиза, налила в нее кофе и уселась напротив Березина, закинув ногу на ногу. Он невольно залюбовался ее прямой спиной, длинной шеей и гордо вскинутым подбородком. Как похожа, боже мой, как она похожа на ту! Наваждение.

– Так хорошо? – спросила она очень серьезно, и Березин с облегчением понял, что Ирина не обиделась.

– Отлично. Только чуть-чуть помягче. Опустить немного голову, а то вид у тебя уж очень неприступный. Мы же решили, что ты – мой тыл, милая, заботливая, любящая. Между прочим, у тебя есть еще что-нибудь такое же длинное, до самого пола?

– Есть, – удивленно ответила она. – Два вечерних платья для ресторана.

– Это не годится. А попроще?

– Если попроще – только то, что на мне. А в чем дело?

– Это удивительно удачная находка, – объяснил Сергей Николаевич. – Когда женщина ходит в длинном платье дома, это напоминает девятнадцатый век, когда еще существовало понятие хранительницы очага. Нужно сделать это твоим стилем. Да-да, – оживился он, – именно так. Длинные платья всегда, в любой обстановке: дома, на приемах, в театре – всюду. И непременно прическа из длинных волос, вот как сейчас. Благородно и просто. И главное – тебе очень идет. Нужно немедленно заняться твоим гардеробом.

Он схватил телефонную трубку и начал накручивать диск.

– Алло! Татьяна Николаевна? Березин говорит. Машина пошла за мной? Очень хорошо. Татьяна Николаевна, моей жене срочно нужна портниха. Да, да. Нет, к завтрашнему дню, к нашему мероприятию. Нет, она еще не очень хорошо себя чувствует, мне не хотелось бы везти ее в центр, сейчас всюду такие пробки... Да, пусть приедет на дом. Да, разумеется, образцы тканей тоже нужны. Ну вот, – весело сказал он, повесив трубку, – через два часа сюда приедет портниха. Татьяна все организует. закажешь ей несколько нарядов – для публичных

выходов и для дома. Для дома даже важнее. И продумай наряд для завтрашнего мероприятия. Его сошьют в первую очередь, все остальные обговори, выбери ткань, все сделают в течение недели.

– Сережа... – робко сказала Ирина. – Я боюсь. Я что, должна буду остаться с ней один на один? Без тебя?

– Разумеется. Я через десять минут уеду и вернусь только вечером.

– Но как же... Что я буду ей говорить? Я же не знаю...

– Ира, возьми себя в руки, в конце концов, – жестко произнес Березин. – Нельзя бояться до бесконечности. Я не смогу водить тебя за ручку всю оставшуюся жизнь, привыкай действовать самостоятельно. В первый раз я совершил ошибку, женившись на девице из хорошей семьи, потому что девица оказалась блядью. Теперь я взял в жены тебя, – он сделал выразительную паузу, с удовлетворением наблюдая, как разливается румянец по нежному лицу Ирины, – и очень надеюсь, что ты сможешь стать похожей на девицу из хорошей семьи.

Она резко поднялась и отвернулась к окну, не ответив на его выпад. Сергей Николаевич допил кофе и быстро оделся. Уже стоя в прихожей, он заметил, что Ирина так и стоит на кухне возле окна. Ему стало не по себе, он не хотел уходить из дома с тяжелым сердцем, оставляя в квартире обиженную женщину.

– Ира, я пошел. Пожелай мне удачи. У меня будет трудный день.

Она медленно повернулась. Краска стыда и негодования уже сошла с ее лица, оно снова было бледно-розовым и очень нежным.

– Я желаю тебе, дорогой, чтобы ты не забывал, при каких обстоятельствах мы с тобой познакомились. Не исключено, что я от этого знакомства выиграла, хотя пока еще ничего не ясно. Но идея принадлежала тебе, и кровь – на твоих руках, а не на моих. Ты только что напомнил мне, что до знакомства с тобой я была проституткой. Теперь я напоминаю тебе о том, кто ты такой.

– Ира, не стоит... – начал было Березин, но она прервала его:

– Я даю тебе слово, что научусь быть достойной женой политика. Но я никогда не буду женой убийцы.

Она пересекла кухню, прошла мимо Сергея Николаевича и скрылась в маленькой комнате, ожесточенно хлопнув дверью.

* * *

Административный корпус отличался от всех остальных зданий и сооружений исправительно-трудовой колонии только тем, что находился «на воле», а не за забором и проволокой. Внутри царил тот же всепроникающий запах пропотевших сапог и немытых тел, стены были покрашены унылой масляной краской, и вообще вся атмосфера вызвала ассоциации не со служебным помещением, а именно с казенным домом.

Наталья терпеливо сидела в коридоре, в очереди таких же, как она, приехавших на свидания или привезших посылки: почта теперь работает так плохо, что посылка или не дойдет совсем, или ее по дороге разворуют. Хорошо, если не дойдет, тогда можно и новую послать. А если дойдет ящик наполовину пустым, то будет считаться, что осужденный посылку получил и другой в ближайшие полгода ему уже не полагается. Многие стали посылки привозить лично или с оказией передавать, так надежнее.

Наталья приехала на свидание, первое с тех пор, как Евгений оказался в колонии. Она так давно его не видела, что боялась даже представить себе, каким стал ее муж. По рассказам знакомых, по книгам и фильмам она уже имела кое-какое представление о том, что такое жизнь в колонии, и ожидала увидеть Евгения поникшим, с ранними морщинами, с почерневшими зубами и трясущимися руками.

Наконец подошла ее очередь. Она оглянулась на сидящих в тоскливой очереди женщин (мужчин здесь почему-то не было, видно, на свидания приезжали только матери и жены, а отцы и сыновья предпочитали другие развлечения), незаметно перекрестилась и толкнула деревянную дверь кабинета.

– Я к осужденному Досюкову Евгению Михайловичу, статья сто три, срок восемь лет.

– Жена? – не поднимая головы, спросил хмурый капитан в зеленой форме офицера внутренней службы. – Документы, пожалуйста.

– Вот. – Наталья торопливо протянула ему паспорт, совсем новенький, полученный всего два месяца назад, когда она меняла фамилию.

Капитан аккуратно перелистал паспорт от первой до последней страницы, потом поднял голову и с любопытством уставился на нее.

– Тут отметочка о заключении брака. Вы поженились полгода назад?

– Совершенно верно.

– Досюков в это время был под следствием? – уточнил капитан.

– Да.

– И вы, значит, добровольно согласились стать женой убийцы? Почему, интересно? Вы его одобряли?

– Нет, вы не так поняли, – торопливо заговорила Наталья. – Я же нормальный человек, как я могу одобрять убийство? Но я хотела, чтобы он, отбывая наказание, знал, что я его жду, что он мне нужен, что он должен справиться со всем этим... У него ведь нет никого, кто ездил бы к нему на свидания, кто посылал бы ему продукты. Мать совсем старая и почти слепая, она из дома практически не выходит. Отца нет, он давно умер. Женя у нее единственный сын, ни братьев нет, ни сестер. И если бы мы не расписались, меня бы не пускали к нему на свидания. Пусть он убийца, но ведь должен у него быть кто-то, кому он верит и на кого может надеяться.

– Вы сейчас сказали интересную вещь, – заметил капитан. – Вы сказали: пусть он убийца. Так вы верите в то, что он совершил убийство?

– Я не понимаю, – вмиг пересохшими губами сказала Наталья.

– Я хочу сказать, что ваш муж ведь не признался в совершении убийства ни на следствии, ни на суде. И он до сих пор не признает себя виновным. Поэтому я и

спросил вас: а вы как считаете? Вы тоже уверены, что он невиновен?

– Я... – растерялась она. – Я не знаю. Честное слово, я не знаю. Женя не такой человек, чтобы убить кого-то... Но ведь чужая душа – потемки, ни за кого нельзя ручаться, даже за себя самого. Нет, я не знаю. Но я знаю, в чем состоит мой долг. Если государство сочло необходимым наложить на него кару за что-то, то мой долг – помочь ему пережить это с достоинством, чтобы он не потерял человеческого облика, чтобы осознал ошибку, осознал свой грех, если он все-таки это совершил, и чтобы покаяться, исправился.

– Вы – верующая?

– Как вам сказать...

Она улыбнулась впервые с тех пор, как вошла в этот кабинет.

– Когда Женю арестовали, я стала ходить в церковь просто потому, что очень хотела хоть как-то ему помочь, а как – не знала. Познакомилась со священником, он и объяснил мне, что если я столько лет прожила рядом с Женей и не сумела отвратить его от греха, то мой долг теперь сделать все, чтобы помочь ему очиститься, обновиться и исправиться.

Капитан открыл несгораемый шкаф, за которым оказались картотечные ящики, выдвинул один из них, долго перебирал карточки, наконец вынул одну из них и внимательно изучил.

– У вас краткосрочное свидание, три часа.

– Так мало? – в отчаянии всплеснула руками Наталья. – А мне говорили...

– Вам говорили про долгосрочное, – сухо перебил ее капитан, – на трое суток. Это вам пока рано, срок еще не подошел.

– А когда же?

– Через три месяца, не раньше, да к тому же в зависимости от того, как ваш муж будет себя вести. Если нарушит режим, то в качестве наказания он может быть

лишен посылки или свидания.

– А он что, нарушает? – робко спросила она.

– Пока нет, но все когда-то бывает в первый раз, – философски изрек капитан.

Он снял телефонную трубку на аппарате без диска.

– Седьмой отряд, Досюков Евгений Михайлович, сто третья, восемь лет. На краткосрочное.

Выслушав ответ, он снова повернулся к Наталье и усталым голосом объяснил ей, куда теперь идти, что сказать и какую бумажку показать.

– Вам там скажут, но я предупреждаю на всякий случай заранее: деньги, колющие и режущие предметы, алкогольные напитки, сигареты с фильтром...

Она на мгновение прикрыла глаза и отключилась. Целые сутки в плацкартном вагоне, продуваемом насквозь, где даже ночью не гасится свет и постоянно мимо тебя кто-то ходит. Она совсем не смогла заснуть, ей было очень холодно и очень страшно. И теперь в неудобном, вонючем, но таком теплом кабинете ее разморило. А о том, чего нельзя приносить с собой на свидание, она и так знала еще с тех пор, когда приходила в следственный изолятор на регистрацию брака.

– Гражданочка! – услышала Наталья голос над самым ухом. – Гражданка Досюкова!

– Ой, простите. – Она смущенно улыбнулась, поправила шапочку, шарф и встала. – Всю ночь в поезде. Спасибо вам. До свидания.

– До свидания. Ваш муж сейчас на работе, его смена закончится в восемнадцать ноль-ноль, тогда и встретитесь.

– Спасибо вам, – повторила Наталья, берясь за ручку двери.

До шести вечера была еще уйма времени, и его нужно было где-то провести. Она вышла из административного здания колонии и побрела к платформе

пригородной электрички. Пожалуй, она вернется в город, а к шести часам снова приедет сюда. Наталья быстро окинула глазами висящее на платформе расписание – поезда ходят каждые полчаса, так что добраться вовремя она всегда сможет. А до города ехать минут сорок.

В электричке было грязно и холодно, вагоны не отапливались, но она мужественно терпела неудобства, понимая, что выхода все равно нет. Можно подумать, что ей предлагали отдохнуть в теплом гостиничном номере на мягкой чистой постели. Если бы не села в электричку, слонялась бы сейчас по поселку вокруг колонии или сидела бы в коридоре административного здания, погрузившись в атмосферу горя, страдания, слез, отчаяния. Что одно, что другое – большая «радость».

Выйдя на вокзале в самом центре крупного промышленного города, Наталья Досюкова первым делом решила поесть. Энергично вскинув на плечо ремень большой дорожной сумки, в которой были только продукты и теплые вещи для Жени, она бодро зашагала по широкому проспекту, вглядываясь в витрины и вывески, ища глазами то, что ей нужно. Ее внимание привлек небольшой ресторанчик, расположенный в полуподвале. Она знала, что очень часто именно такие маленькие полуподвальные заведения оказываются самыми что ни на есть изысканными, с прекрасной кухней и первоклассным обслуживанием.

Едва толкнув дверь, Наталья поняла, что не ошиблась. К ней немедленно подскочил мужчина средних лет в идеально отглаженных брюках, черном жилете поверх белоснежной сорочки и галстук-бабочке.

– Добрый день, – заговорил он хорошо поставленным голосом. – Добро пожаловать. Желаете пообедать или только слегка перекусить?

– Пообедать, – решительно ответила Наталья, царственным жестом, будто песцовую шубу, сбрасывая ему на руки тяжеленную сумку. – Вкусно, сытно и с хорошим сервисом. Это возможно?

– Нет ничего невозможного, если этого хочет красивая женщина, – сверкнул зубами швейцар, он же гардеробщик, он же, судя по мускулатуре, вышибала. – Уверен, что вы останетесь довольны. Позвольте вашу курточку и шапочку. Прошу в зал, будьте любезны.

Она оглядела себя в зеркале с ног до головы. Нет, еще вполне, вполне. Для поездки в «зону» она оделась, конечно, попроще, понимала, что придется ночь провести в холодном вагоне, потом разговаривать с начальством в колонии, потом встречаться с Женей. Глупо и неуместно одеваться в дорогие шмотки. Нужны вещи, которые не мнутся и не пачкаются. Черные джинсы и черный теплый свитер из ангоры – вот самый подходящий наряд для такой поездки. В самом деле, не на праздник же она собралась – на свидание с осужденным убийцей как-никак. Шубу надевать тоже не хотелось, хотя в поезде она ох как пригодилась бы – накрыться. Но нехорошо, шуба дорогая, красивая, в пол. Что ж, в такой шубе на свидание являться? Напоминать лишний раз Жене, какая жизнь за воротами осталась? Правильно она сделала, что надела куртку, длинную, темно-зеленую, с фиолетовой и бордовой отделкой. Эти цвета были в моде в год последней зимней Олимпиады, позапрошлой зимой, тогда Наталья и купила эту куртку, теплую и немаркую, специально чтобы на рынок ходить да на дачу ездить.

Она стояла перед зеркалом, вся в черном, и с удовольствием оглядывала красивую большую грудь, округлые бедра и тонкую талию. Она никогда не была худышкой, грудь и попа у нее всегда были заметными и притягивали мужской глаз, но зато талия была на удивление тонкой, и Наталья прикладывала немало усилий к тому, чтобы на ней не появлялись лишние сантиметры. И лицо у нее было яркое, с темными глазами и густыми, красиво очерченными бровями. Нет, вполне, очень даже вполне, подумала она, поправляя волосы.

Она вошла в зал царственной походкой красивой и уверенной в себе женщины и, не глядя по сторонам, направилась к свободному столику. Народу в зале было немало, видно, ресторанчик уже имел сложившуюся репутацию и постоянную клиентуру. Она едва успела сесть за столик и открыть лежащую перед ней карту вин, как подскочил официант.

– Добрый день, мы рады вас приветствовать в нашем ресторане. Я прошу прощения, но мне кажется, вам будет удобнее вот за тем столиком.

С этими словами он чуть повернулся и указал рукой на столик в противоположном конце зала. Тот столик был около окна, а этот у стены, неподалеку от зажженного камина.

– Почему вы считаете, что там мне будет лучше? – надменно спросила Наталья.

– Столик возле окна традиционно считается лучшим, – с ослепительной улыбкой пояснил официант.

– Я замерзла, – сердито ответила Наталья, – и хочу остаться здесь, поближе к огню. А из окна наверняка дует. Тема исчерпана, молодой человек, принесите мне кофе и меню.

На лице официанта отразилась такая растерянность, что ей стало смешно. Видно, она заняла чей-то постоянный столик, и бедняга теперь будет мучительно соображать, как выкручиваться, если его клиент явится раньше, чем она уйдет отсюда. Но она не уйдет еще долго, на вокзале нужно быть в пять часов, а сейчас только половина второго.

– Какой кофе желаете? «Нескафе», «Пеле», «Якобс», эспresso, капуччино, по-турецки?

– Эспresso и стакан минеральной без газа. И позовите мэтра.

Через полминуты перед ней возник представительный метрдотель в смокинге и с меню в руках. За его спиной робко маячил официант с подносом, на котором дымился кофе и сверкал стакан с минеральной водой.

– Слушаю вас, – важно заявил мэтр неожиданно высоким тенорком.

– Я, по-видимому, заняла чей-то постоянный столик, – сказала Наталья, открывая меню и начиная его изучать. – Прошу вас не беспокоиться, это не войдет в привычку, я приезжая, и сегодня вечером меня уже не будет в вашем городе. Но я не хочу никуда пересаживаться, я очень замерзла и предпочитаю сидеть поближе к огню. Если придет тот человек, который обычно здесь сидит, предоставьте мне самой извиниться перед ним. Я надеюсь, он не будет в претензии. С этим все. Теперь заказ. Коктейль из креветок, – продолжила она без паузы, по-прежнему не глядя ни на метрдотеля, ни на официанта, нимало не интересуясь, слушают ли они ее, записывают ли ее заказ и удовлетворены ли ее объяснениями. – Шашлык из осетрины, картофель фри, маринованная свекла, лук не класть, огурец не класть. Десерт «Мирабелла», кофе «Якобс» двойной и еще один стакан минеральной без газа, лед обязательно. После десерта и кофе примерно через полчаса принесете еще один кофе эспresso. Не перепутайте.

Она давно уже разделила все человечество на господ, халдеев и динамичную прослойку, которая в конечном итоге разделяется на тех, кто приближен к господам, и тех, кто превращается в халдеев. Женя всегда был господином, с самого рождения. Он господствовал над своими родителями, над своими женщинами, над своими партнерами по бизнесу и над своими деньгами. Она, Наталья, двадцать три года бултыхалась в вонючей аморфной прослойке, пока не нашла Женю и не стала плавно подплывать к нему. Четыре года они прожили вместе, пока наконец не поженились. Теперь и она принадлежит к клану господ, а смотреть в лицо халдеям много чести.

Официант странно напряженным голосом повторил заказ, глядя в свой блокнот, она выслушала и отпустила его царственным кивком. Этим штучкам с тремя чашками кофе разного сорта она научилась у Жени.

– Если ты хочешь понять, в какое заведение попала, совсем не обязательно перепробовать все блюда. Достаточно сделать один сложный заказ, и тебе сразу станет понятно, как здесь с дисциплиной, кого набирают на работу – растяп и безмозглых дураков или людей профессионально пригодных. Достаточно определить, каковы официанты, чтобы догадаться, какова кухня, потому что подход к подбору кадров един. Он или правильный, или нет. И если официанты подобраны грамотно, то и повара в ресторане хорошие, а плохих работников здесь не держат.

Когда она приходила в ресторан без Жени, она всегда делала такие «сложные» заказы, даже если ресторан был знакомым и проверять его нужды не было. Ей нравилась эта игра, ей нравилось ощущение принадлежности к клану господ.

Она уже доела коктейль из креветок и потянулась к чашке, чтобы допить остывающий кофе номер один, как заметила на белой накрахмаленной скатерти нечто темное. В первый момент Наталья не поняла, что это такое. Но в следующую секунду сообразила, что это не что иное, как рука, принадлежащая чернокожему человеку. Она подняла глаза от тарелки и обворожительно улыбнулась.

– Я заняла ваш столик? Прошу извинить, но на улице так холодно, и я очень замерзла, а здесь огонь... Если вы настаиваете, я пересяду.

Она знала, что он не будет настаивать. И никто бы не стал. Не родился еще на свет тот мужчина, который смог бы прогнать ее из-за своего стола.

– The table was not reserved, it was the case of habit, – ответил мужчина и вдруг легко перешел на русский: – Вы позволите мне все-таки сесть там, где я привык? Или вы предпочитаете обедать в одиночестве?

– Я буду рада, если вы его разделите.

Наталья отметила, что говорил по-русски он бегло и правильно, но с сильным мягким акцентом. Она неплохо владела английским и поняла единственную сказанную не по-русски фразу: «Столик не был заказан, просто я привык к нему».

– Вы каждый день обедаете здесь? – спросила она.

– Да, почти каждый, – ответил чернокожий. – А вы здесь в первый раз?

– И, надеюсь, в последний. Я сегодня уезжаю домой, приехала на один день по делам. А вы? Работаете здесь?

– Да, я журналист, наша газета прислала в Россию большую группу журналистов освещать ход и итоги выборов. В нашей стране к вашим выборам проявляют интерес.

– И давно вы здесь?

– Почти месяц.

– Надоело? – улыбнулась Наталья. – Домой, наверное, хочется?

– Конечно. Уже недолго ждать, через две недели буду дома.

– Жена, дети, да?

– Да, у меня их пятеро.

– Пятеро! – ахнула она. – Какой вы молодец!

– При чем тут я? – засмеялся журналист. – Их рождает моя жена, это ее заслуга.

– Почему вы ничего не заказываете?

– Здесь знают мои вкусы, я всегда беру одно и то же, они уже не спрашивают. Если я специально ничего не сказал, значит, подавать нужно как обычно. Меня зовут Джеральд. А вас?

– Наталья. Натали, так проще.

Он протянул ей руку, и прикосновение к его бархатистой ладони обожгло ее. Почти год у нее не было мужчины, с того самого дня, как арестовали Женю. Этот год был так наполнен тревогами, заботами и хлопотами, что ей просто некогда было вспомнить о сексе. А теперь вдруг вспомнилось. Ну надо же, как некстати. Низ живота налился тяжестью, появилась ноющая боль.

– Чем вы занимаетесь, Натали? У вас свой бизнес?

– Ну что вы, – рассмеялась она через силу, от души надеясь, что ее глаза не начали похотливо блестеть. – Я не приспособлена к тому, чтобы самостоятельно заниматься бизнесом. Живу на деньги мужа.

– У вас есть дети?

– Нет. Но я надеюсь, что будут.

Ей принесли кофе с десертом «Мирабелла», а Джеральду – огромный бифштекс.

– Вы раньше бывали в этом городе? – спросил он.

– Нет, в первый раз приехала.

– У вас здесь друзья или дела?

– Скорее дела, – улыбнулась она.

– Но здесь есть кто-нибудь, кто занимался бы вами? Я имею в виду, показал бы вам город, исторические памятники, музеи. Здесь есть очень красивые места и музеи прекрасные, поверьте мне, я за месяц весь город наизусть изучил.

– Нет, мной никто не занимается, но мне это и не нужно. У меня здесь еще не решенное дело, но я его выполню обязательно и поздно ночью уеду обратно, в Москву. Так что мне развлекаться некогда. Да и не хочется, честно говоря. Настроения нет.

– У вас проблемы, Натали?

«О господи, – испугалась Наталья, – все-таки не уследила, дала прорваться настроению. Чего себя-то обманывать, настроение испортилось не оттого, что у меня муж сидит, а оттого, что я хочу этого чернокожего до обморока, до судорог, до истерики. Черт, до чего же он мне нравится!»

– Что вы, Джеральд, никаких проблем, я вообще на редкость благополучная особа. Просто этот город кажется мне неуютным, неухоженным, холодным, мне здесь не нравится и хочется побыстрее уехать.

Она умолкла и принялась ложкой ковырять желеобразный десерт, розовый с голубыми и зелеными цветочками из крема. Когда она снова подняла глаза, то по лицу журналиста было видно: он понял все. На губах его играла улыбка, одновременно мягкая и приглашающая и в то же время чуть ироничная. Белой русской женщине смерть как захотелось черного мужчину. Обыкновенный сексуальный голод плюс тяга к экзотике. Почему бы и нет, в конце концов. Тем более она сегодня ночью уедет, и никаких проблем.

* * *

Без пяти шесть Наталья Досюкова снова стояла перед административным зданием колонии, где ее муж отбывал наказание за умышленное убийство. После железных объятий Джеральда все тело болело и казалось ей одним сплошным синяком. Они занимались любовью в его гостиничном номере, не тратя времени на слова и обещания. У них было около полутора часов, и они

провели их в страстном молчании, прерываемом только тяжелым дыханием и редкими стонами. В половине пятого Наталья выскочила из постели, забежала на несколько минут в ванную, оделась и умчалась на вокзал. Джеральд не задавал ей никаких вопросов, почему и куда ей нужно ехать на электричке, но уже у самой двери, когда Наталья выходила из номера, сказал:

– Если до отхода поезда в Москву у тебя останется свободное время – ты знаешь, где меня найти. Я буду рад тебя видеть.

Она только кивнула, в глубине души совершенно уверенная в том, что непременно прибежит к нему вечером, когда вернется в город из поселка со странным названием – Киркомбинат. Обзывая себя похотливой сукой, Наталья ехала в электричке и прикидывала, в котором часу может закончиться трехчасовое свидание с Женей, на платформе остановилась у расписания и посмотрела, когда идут поезда в город после двадцати двух часов...

Наконец ее привели в узкую неуютную, словно наполненную слезами и муками тысяч и тысяч матерей и жен, комнату для свиданий. С замиранием сердца прислушивалась Наталья к шагам за дверью, ожидая увидеть вместо своего мужа разбитого болезнями старика с почерневшими от чифирия зубами. Чтобы хоть чем-то занять дрожащие руки, она стала выкладывать из сумки продукты и аккуратно расставлять их на столе, а теплые вещи стопочкой сложила на стуле. Наконец дверь открылась.

Это был он, все тот же Евгений Досюков. На миг Наталье показалось, что она участвует в каком-то нелепом спектакле, где Женя по роли должен был побрить голову и натянуть черную робу и черный ватник. Но это только на время спектакля, а потом он снимет все это, наденет свой обычный костюм из дорогого магазина и повезет ее, Наталью, ужинать в ресторан.

Он по-прежнему гордо держал голову, по-прежнему смотрел на нее ласково и чуть насмешливо, и глаза его были по-прежнему ясными, а зубы – белыми и ровными. Единственное, что отличало его от прежнего Жени, – голод и зверский аппетит. Ни разу за все четыре года, что они прожили вместе, не видела Наталья, чтобы он так безудержно запихивал в себя продукты.

Она терпеливо ждала, пока он насытится.

– Как ты, милый? – спросила она. – Тебе очень плохо здесь?

Он удивленно взглянул на нее.

– А кому же здесь может быть хорошо? Конечно, мне плохо. Но я не собираюсь ждать восемь лет, пока правосудие очухается. Я буду бороться за свою свободу и доказывать свою невиновность. И я очень рассчитываю на твою помощь. Деньги у нас, слава богу, есть, так что нанимай самых лучших адвокатов, пусть пишут жалобы, пусть поднимают журналистов, пусть обращаются в Комиссию по правам человека. Я не собираюсь тут сидеть за преступление, которого не совершал.

По ее лицу пробежала тень, и это не укрылось от Евгения.

– Ты что, не веришь мне? Ты думаешь, я убил Бориса? Ну скажи же, скажи мне, что ты считаешь меня убийцей, и я не стану приставать к тебе со своими просьбами. Как-нибудь обойдусь.

В эту секунду он был так похож на себя прежнего – резкого, жесткого, преуспевающего, безжалостного, что Наталье стало казаться, что она сходит с ума. Может быть, ничего не было? Может, ей все приснилось – и арест, и следствие, и суд, и даже сегодняшний день?

– Что ты, Женечка, я верю тебе. Если бы я считала тебя убийцей, я бы не вышла за тебя замуж, когда ты был под следствием. Я же сделала это, потому что верила в твою невиновность. И хотела, чтобы все вокруг знали: я не считаю тебя преступником. И я сделаю все, что нужно, чтобы тебя оправдали.

Три часа тянулись невыносимо долго, ей все время приходилось искать темы для разговора, и темы эти почему-то так быстро иссякали...

– Как у тебя со здоровьем? – заботливо спрашивала она.

– Порядок, делаю зарядку, поддерживаю форму. Не беспокойся, я глупостями не увлекаюсь.

– Ты не чифиришь?

– Я не сумасшедший, – усмехался он. – И себя не на помойке нашел.

– Тебя здесь не обижают? Знаешь, мне рассказывали, что в колониях есть паханы, мужики, шестерки, обиженные, в общем, целая иерархия. И не дай бог впасть в немилость у пахана, тогда совсем жизни не будет, а то и убить могут. Это правда, Женя? Я так боюсь за тебя.

– Правда, Ната, правда, но ты за меня не бойся. Главное в жизни деньги, у кого они есть, тот и пахан. У меня много денег, и не только в Москве, а по всей России и даже за рубежом. Это ни для кого не секрет, деньги у меня законные и конфискации не подлежат. Стало быть, обижать меня никто не станет. Ты у мамы бываешь?

– Конечно, Женечка, каждую неделю захожу и звоню через день. Ты за нее не беспокойся, у нее все в порядке, за тебя только очень переживает.

– Скажи, а там, в Москве, все поверили, что это именно я Бориса убил? Неужели ни одна живая душа не усомнилась?

– Нет, Женечка, никто, кроме меня, не верит, что ты этого не делал. Ну ты сам посуди, ведь тебя все видели, и даже Борис перед смертью сказал, что это ты в него стрелял. И на твоей одежде обнаружили частицы пороха, а на пистолете – микрочастицы твоих шерстяных перчаток, в которых ты обычно в гараже работаешь. Мне же следователь все документы показывал. Как тут не поверить? И я бы поверила, если бы не любила тебя так сильно. Пойми, Женя, я ведь не верю в твою виновность не потому, что улики слабые, а только лишь потому, что не хочу верить. А улики-то на самом деле...

– Я понял, – перебил ее муж. – Значит, ты тоже уверена, что это я убил Бориса. Ты тоже, как и все, считаешь меня убийцей. Ты готова отвернуться от меня. Что ж, валяй, не буду тебя удерживать, устраивай свою жизнь по своему разумению. Только объясни мне, зачем ты замуж за меня вышла в таком случае?

– Но я люблю тебя, неужели ты не понимаешь этого? Мне все равно, убийца ты или нет, виновен ты или нет. Да пусть ты десять раз виновен, пусть ты сто человек убил, ты все равно для меня лучше всех. Хочешь правду? Да, я не верю, что ты не убивал Бориса. Я знаю, что это сделал ты. Но мне это все равно, понимаешь? Мне это безразлично. Я люблю тебя и хочу быть твоей женой

совершенно независимо от того, убийца ты или нет. И оттого, что ты сидишь в тюрьме, ты не стал для меня хуже. Я все равно буду тебя любить и буду тебя ждать столько, сколько нужно.

Она обняла мужа и прижалась лицом к его плечу. От черного ватника исходил неприятный запах, но Наталья этого не замечала. Для нее главным сейчас было заставить Евгения поверить.

Он отстранил ее и отступил на шаг.

– Значит, ты тоже не веришь, – задумчиво произнес он. – Очень жаль. Выходит, за свою свободу мне придется сражаться одному. Ты мне не помощница. Что ж, придется биться в одиночку.

Наталья не выдержала напряжения и расплакалась.

– Женечка, я все сделаю, я найму самых лучших адвокатов, я заплачу им, они вытащат тебя...

– Не нужно, я не хочу, чтобы ты занималась моим освобождением, думая, что на самом деле я преступник. Или ты веришь мне и помогаешь, или я буду действовать сам.

– Но, Женя...

– Все, Натка, время кончается, давай прощаться.

Пришел угрюмый конвоир и увел Евгения. Наталья вытерла слезы, умыла лицо под краном, вытерла носовым платком, надела куртку и отправилась на платформу. В городе она будет часов в одиннадцать вечера, даже раньше, а поезд на Москву уходит в 1.45 ночи. Можно еще успеть...

Стоя на холодном ветру и жмурясь от колких крупинки снега, гонимых метелью, она снова и снова вызывала в памяти лицо мужа. Черт возьми, как приятно думать о Евгении Досюкове как о муже! Четыре года она жила с ним, засыпала и просыпалась рядом, кормила его обедами, стирала ему рубашки, ждала по вечерам, когда он уходил на приемы и банкеты без нее. И четыре года она

мечтала о том, что в один прекрасный день он все-таки опомнится и сделает ей предложение. А он все не делал его и не делал... И нужно было случиться такой огромной беде, чтобы Евгений Досюков, миллионер, президент акционерного общества «Мегатон», женился на Наталье Гончаренко.

И вот теперь оказывается, что она совсем его не знает. Четыре года они провели бок о бок, а она так и не разглядела в нем ту невероятную силу, которую всегда принимала за удачливость. Наталья была уверена, что суровый приговор сломит Женю, а месяцы, проведенные сначала в следственном изоляторе, потом в колонии, очень быстро превратят его в нравственного калеку, морального уродца, больного, слабого, утратившего способность сопротивляться и прочифирившего здоровье и интеллект. А все оказалось совсем не так. Потому что большей неудачи, чем случилась с Женей, нельзя даже придумать, а он собирается бороться за свою свободу, он не опустил рук. И, что самое ужасное, он требует от нее, своей жены, веры в собственную невиновность.

Четыре года Наталья Гончаренко любила в Евгении Досюкове две вещи: его властность и его деньги. И того и другого было так много, что остальное было уже просто невозможно разглядеть. Он был весьма посредственным любовником, он был не особенно красив, чтобы не сказать грубее, у него был порой невыносимый характер, вероятно, имелись и какие-то достоинства, но ничего этого Наталья не видела, потому что ее «угол обзора» охватывал только властность и богатство.

А сейчас, трясясь в холодной грязной электричке и вспоминая короткое трехчасовое свидание с мужем, она впервые почувствовала что-то вроде уважения к нему. К его негибкости, воле, мужеству. Ведь кто-кто, а она-то уж совершенно точно знала ответ на вопрос о его виновности.

И в этот момент Наталья вдруг поняла, что ни к какому чернокожему журналисту Джеральду она не пойдет.

Глава 3

В городской прокуратуре убийством писателя Леонида Параскевича занимался следователь Константин Михайлович Ольшанский, и это обстоятельство худо-

бедно примиряло Настю с необходимостью заниматься делом автора любовных романов. А заниматься этим делом ей не хотелось по одной-единственной причине, и называлась эта причина – Галина Ивановна Параскевич. Случается, конечно, что у двух человек возникает острая взаимная непереносимость, но с этим вполне можно справиться, потому что коль непереносимость взаимная, то оба стараются максимально ограничить контакты, сделать их по возможности редкими и короткими. Здесь же случай был принципиально иной. Галине Ивановне очень нравилась майор милиции Анастасия Каменская. Впрочем, ей вообще нравились все люди, которым она может читать нотации и объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, и которые безропотно это воспринимают. Настя в силу природной интеллигентности и хорошего воспитания делала вид, что внимательно слушает Галину Ивановну, а та при полном отсутствии критического взгляда на самое себя принимала все за чистую монету.

– Боже мой, как приятно, что в нашей милиции еще остались люди, которые понимают, как нужно...

«Если бы нынешняя молодежь была похожа на вас, мы не знали бы множества бед и проблем...»

«Вот о такой жене, как вы, мечтала я для своего сына...»

Настя впивалась ногтями в ладонь, закусывала губу и терпела. Терпела, потому что сразу поняла: никто не расскажет о Леониде Параскевиче больше, чем его родная мать. Такие матери, как Галина Ивановна, отравляют жизнь собственным детям и их семьям, но зато они, случись несчастье, становятся поистине незаменимыми для следствия, потому что всю жизнь лезут в дела своих детей, знают лично всех их знакомых, постоянно подслушивают телефонные разговоры, и не просто подслушивают, а еще и комментируют их, нимало не смущаясь бестактностью собственного поведения. Они все про всех знают и обо всем имеют абсолютно непререкаемое мнение. Мнением, конечно, можно пренебречь, зато фактуру такие свидетели дают богатую. Если, конечно, у оперативников и следователей хватает терпения и душевных сил подолгу разговаривать с ними. У Насти Каменской терпения было, как говорится, выше крыши, а вот следователь Ольшанский, по его собственному признанию, быстро сдавал позиции. Поэтому он уже несколько раз просил Настю приехать к нему в горпрокуратуру и присутствовать на допросах Галины Ивановны Параскевич.

Константин Михайлович сидел за своим столом, сгорбившись, и что-то быстро печатал на машинке. Бумаги вокруг него возвышались огромными кучами, которые он разбирал один раз в год перед отпуском. Настя заметила, что на носу следователя красуются новые очки, в которых он выглядел значительно лучше, чем в своих стареньких, в чиненой-перечиненой простенькой оправе. Но костюм был по-прежнему мятым, несмотря на все старания жены Нины выпускать Ольшанского по утрам из дому в приличном виде. В момент пересечения порога собственной квартиры вид ежедневно бывал отменным, а в тот момент, когда Константин Михайлович открывал дверь своего служебного кабинета, от этого отменного вида оставалось лишь смутное воспоминание. Природу такого феномена не мог объяснить никто, поэтому с ним просто смирились.

– Привет, красавица, – весело мотнул головой следователь. – Сейчас придет эта мымра, начнем работать над версией убийства из ревности. Так что готовься, Настасья, сил потребуется много. Учитывая патологическую нелюбовь Галины Ивановны к невестке, нам придется выслушать не только правду, но еще и вранье и комментарии к ним. Кстати, пока не забыл, Нина тебе таблетки какие-то передала, вот, держи.

– Спасибо. – Настя радостно выхватила из его рук две упаковки с реланиумом и валиумом.

У нее вечно не хватало времени бегать по аптекам, а поскольку эти лекарства продавались только по рецептам, то нужно было еще предварительно идти к врачу в поликлинику. Это было уж и вовсе за пределами Настиных возможностей. Вечная нехватка времени, помноженная на фантастическую лень и пренебрежение к собственному здоровью, делала задачу приобретения успокоительных препаратов абсолютно нерешаемой. А лекарства порой бывали очень нужны. Хоть и нечасто, но позарез. Слава богу, палочка-выручалочка нашлась в лице Нины Ольшанской, врача-невропатолога. Нина столько лет прожила замужем за следователем, что Настины проблемы понимала очень хорошо и с готовностью пошла ей навстречу.

Константин Михайлович снова оторвался от машинки и поглядел на часы.

– Я вызвал Параскевич на десять тридцать. У тебя есть пятнадцать минут на то, чтобы выпить кофе в буфете, но, предупреждаю, он там невероятно поганый.

– Поганый не хочу, – улыбнулась Настя. – Я лучше здесь посижу. У вас план допроса есть?

– А ты на что? – резонно возразил следователь. – Вот и составь, пока все равно без дела сидишь.

Она послушно достала блокнот и стала вычерчивать схему разговора с Галиной Ивановной Параскевич. Понятно, что всякие гадости о горячо любимой невестке она будет рассказывать с удовольствием, привирая, преувеличивая и снабжая общую картину пикантными подробностями. И точно так же понятно, что сын в ее рассказе предстанет ангелом небесным. А ведь версия убийства из ревности подразумевает как то, что Леонида убил любовник Светланы, так и то, что его мог убить муж или любовник женщины, с которой модный писатель изменял собственной жене, или даже сама такая женщина. Нужно развязать Галине Ивановне язык и вынудить ее рассказывать о сыне так же подробно, как и о невестке.

В верхней части чистого листа Настя написала: «Как вы думаете, Галина Ивановна, не могло ли убийство вашего сына быть убийством из ревности?»

Обведя фразу прямоугольной рамочкой, она начертила от нее две стрелки вниз. В левой части страницы, там, где заканчивалась стрелка, появилась фраза: «Что вы, что вы, у Лени никогда никого не было». Снова стрелка вниз и приписка: «Жать до последнего: почему она в первую очередь подумала о сыне, а не о невестке? Давал повод? Были основания подозревать? И т.д.».

В правой части страницы, параллельно словам «Что вы, что вы...», Настя написала: «Ну, от Светланы всего можно было ожидать». Начертив еще одну стрелку вниз, она поместила краткий комментарий: «Пусть поливает грязью Светлану, не мешать ей, чем больше гадостей она скажет о ней, тем лучше».

Наконец, от фрагментов, написанных в левой и правой частях листа, Настя прорисовала жирные стрелки в центр нижней части странички и написала: «Спросить, откуда Параскевич так хорошо знает женскую психологию, так здорово разбирается в тонких движениях женской души. Высказать предположение, что его консультировала Светлана. Поскольку Г. И. только что поливала невестку грязью, она ни за что не согласится с тем, что С. была соратницей, помощницей и консультантом. Кто угодно, только не ненавистная

невестка. Если у Л. П. были женщины, вот тут-то они непременно выплывут».

– Посмотрите, Константин Михайлович. – Настя протянула ему листок со схемой. – Внесите коррективы.

Следователь внимательно прочитал фразы, написанные очень мелким, но разборчивым почерком, и хмыкнул:

– Ну и стерва ты, Каменская.

– Я попрошу, – картинно надулась Настя. – Как сказал великий Чуковский, я не тебе плачу, а тете Соне. Я не вам стерва, а Галине Ивановне. Я понимаю ее горе и от всей души сочувствую ей, но ее сыну, который погиб, прожив короткую и очень несчастливую жизнь под каблуком у тиранки-матери, я сочувствую еще больше. Ему, в конце концов, гораздо хуже, чем ей. Кстати, мы с вами совсем забыли отца Леонида Владимировича. Может быть, имеет смысл с ним поработать?

– Можно попробовать, – неопределенно пожал плечами Константин Михайлович, – но вряд ли толк будет. Владимир Никитич Параскевич под пятой у жены пригрелся и пообвыкся. Он и разговаривать-то захочет только в ее присутствии. Я пару раз пытался найти с ним общий язык – да куда там, он всю шею себе повертел, все на жену оглядывался, боялся, как бы чего не впопад не ляпнуть.

– Да? – задумчиво протянула Настя. – Это любопытно. Я как-нибудь им займусь.

Галина Ивановна Параскевич явилась к следователю с опозданием на десять минут. Когда на часах было 10.34, Ольшанский поднялся из-за стола и пошел к двери.

– Ну все, Галина Ивановна, – злорадно сказал он, – не хотите приходить вовремя – будете ждать, пока я не вернусь. Начинай, Настасья, скажи ей, что я поручил тебе ее допросить. И напугай ее посильнее, скажи, дескать, Константин Михайлович гневаться изволили.

Галина Ивановна Параскевич, казалось, очень обрадовалась, увидев в кабинете Ольшанского Настю.

– Анастасия Павловна, как хорошо, что вы здесь! – воскликнула она, по-хозяйски пристраивая шубу на вешалку и усаживаясь за стол, не дожидаясь приглашения. – Мне так легко всегда с вами разговаривать, не то что с Константином Михайловичем. Вы знаете, мне иногда кажется, что он меня недолюбливает.

«Что же тебе про меня-то ничего не кажется, – с усмешкой подумала Настя. – Я ведь тебя не люблю еще сильнее, чем Костя».

– Ну что вы, Галина Ивановна, – вежливо сказала она вслух, – за что Константину Михайловичу вас не любить? Но ведь у него такая сложная и напряженная работа, вполне естественно, что он далеко не всегда пребывает в радужном расположении духа. Вы должны быть к нему снисходительны.

– Должна вам сказать, Анастасия Павловна, вы меня не убедили. Я догадываюсь, что у вас работа не менее сложная и напряженная, чем у Константина Михайловича, однако вы производите намного более приятное впечатление. Просто несравнимо более приятное. Человек, который в силу своих должностных обязанностей вынужден постоянно вступать в контакт с незнакомыми людьми, общаться с ними, должен, нет, просто обязан, быть милым, уметь слушать собеседника, хотеть понять его...

Галина Ивановна оседлала очередного конька. Настя слушала ее вполуха, делая вежливое лицо и терпеливо дожидаясь, когда женщина увлечется настолько, что неожиданный вопрос «не по теме» застанет ее врасплох и вынудит дать неподготовленный и непродуманный ответ. Наконец ей показалось, что такой момент настал.

– Скажите, Галина Ивановна, а не могло убийство вашего сына оказаться убийством из ревности?

Параскевич оторопела от неожиданной смены предмета обсуждения, тем более что Настя довольно бестактно прервала ее прямо на середине фразы.

– Из ревности? – переспросила она. – Что ж, конечно, от этой... я хочу сказать, от Светы всего можно было ожидать. Мне всегда казалось, что она не любит Ленечку по-настоящему, а просто играет с ним. Вот захотелось ей поиграть в замужество, в семейную жизнь, она и выбрала Леню. Но ведь ей точно так же могло прийти в голову поиграть в распутницу, в роковую женщину. Я совершенно не исключаю, что у Светланы были любовники.

«Ладно, – подумала Настя, – разговор пошел по «правой» схеме, что ж, пусть охаивает Светлану и наивно полагает, что о Леониде разговор вообще не зайдет. Удивительное все-таки самомнение у этой женщины! Она полностью уверена, что владеет ситуацией и сама направляет беседу. Ей даже в голову не приходит, что может быть и по-другому».

Светлана Параскевич, если верить ее свекрови, была глупой и бездарной журналисткой, училась с Ленечкой на одном курсе и после того, как он написал свою первую книгу, решила окрутить его. Почуяла, что это «золотая жила». Леня был таким чистым и доверчивым мальчиком, у него никогда не было не то что романов, даже легких увлечений, и конечно, Светлане он достался легко и без боя. Ему ведь было уже двадцать два, вы должны понимать, о чем идет речь...

После женитьбы молодые стали жить отдельно, у Светланы была комната в двухкомнатной коммуналке в центре Москвы, потом сосед-алкаш умер, и она отсудила вторую комнату, Ленечке пошли навстречу, он ведь к тому времени был уже известным писателем, ему нужно место, чтобы работать. Разумеется, влияния матери ничем не заменишь, гордо рассказывала Галина Ивановна, и первые годы после женитьбы Ленечка еще полностью принадлежал ей, был хорошим сыном, послушным, любящим. Но невестка, знаете ли, не отступилась, ей поперек горла стояло, что Ленечка прислушивается к матери больше, чем к жене, и постепенно она начала забирать мужа в свои руки. Он и одеваться стал по-другому, и прическу изменил, стал отращивать волосы так, как ей нравится, и усы с бородой отпустил, хотя раньше всегда ходил гладко выбритым. Конечно, Светлана отговаривалась тем, что у известного писателя должен быть свой образ, свой имидж, ведь его фотографии печатают на обложке каждой книги, его приглашают на телевидение, и он не может позволить себе выглядеть абы как. Но Галина Ивановна уверена, что все разговоры об имидже велись только для отвода глаз. На самом деле Светлане важно было заставить Ленечку сделать так, как ей хочется, а не так, как приучила его с детства мать. Она все делала назло свекрови, ну абсолютно все! А уж когда Галина Ивановна увидела ее в машине с каким-то мужчиной, то все хорошее отношение к невестке как

рукой сняло. («Как будто оно вообще когда-нибудь было, это хорошее отношение», – прокомментировала про себя Настя.) Разумеется, ни ей, ни Ленечке Галина Ивановна ничего не сказала. Зачем расстраивать мальчика?

– Позвольте, Галина Ивановна, вы делаете выводы на основании того лишь факта, что ваша невестка ехала в машине, за рулем которой сидел неизвестный вам мужчина? Вы что, никогда в жизни не ездили в такси или на частнике? Вас никогда никуда не подвозили друзья или коллеги?

– Я знаю, о чем говорю, – поджала губы Параскевич, – и как-нибудь могу отличить случайного водителя от любовника. Случайного водителя не гладят по затылку и по щеке.

«Ну, про затылок и щеку ты, положим, могла прямо сейчас с ходу выдумать, когда поняла, что в обвинениях невестки хватила лишку. А вот про машину – это, наверное, правда. Если уж проверять версию, то как следует», – подумала Настя.

– Припомните, пожалуйста, когда это было.

– Летом. Дату я, конечно, не вспомню. Примерно в конце июня – начале июля.

– Опишите машину. Марка, цвет. Может быть, вы на номер посмотрели?

– Номер не видела. И вообще было уже темно. «Волга», темная такая.

– Ну как же так, Галина Ивановна, вы говорите, что было темно, ни номера машины, ни цвета вы не разглядели, а Светлану увидели и даже увидели, что она гладит мужчину по затылку и по щеке. Так не бывает.

– Очень даже бывает, – рассердилась Параскевич. – Светлану я вообще увидела на улице, она покупала сигареты в киоске. Я очень удивилась, ведь ни она, ни Ленечка не курили, хотела было окликнуть ее, а она сигареты взяла и идет к машине. Я же вижу, что это не Ленечкина машина, потому и окликать не стала. Нагнулась, чтобы посмотреть, кто за рулем, и увидела...

«Ничего ты не увидела, – зло сказала про себя Настя. – Сочиняешь на ходу, только чтобы Светлану подставить. Ну покупала она сигареты, ну садилась она в

«Волгу», дальше что? Между прочим, Ленечка твой курил с девятого класса, а в последние три года – по полторы пачки в день. Просто ты устраивала ему истерики и заклинала всеми святыми не поддаваться вредной привычке, а ему проще было скрывать, что он курит, чем выслушивать твои вопли. Он, может быть, и на Светлане-то женился не по страстной любви, а единственно для того, чтобы уйти из дома и не жить с тобой».

– Скажите, Галина Ивановна, как вам казалось, Светлана – умный человек?

– Да что вы! – пренебрежительно махнула рукой женщина. – Откуда там ум-то возьмется? Она, по-моему, за всю жизнь две с половиной книжки прочитала.

– Я спрашиваю не про образованность, а про ум, интеллект. Умение логично мыслить, обобщать, анализировать, формулировать выводы, связно излагать свои мысли.

– Ну я же вам сказала, она была бездарной журналисткой.

Галина Ивановна никак не хотела видеть разницу между интеллектом, начитанностью и профессиональной пригодностью. Раз бездарная журналистка, значит – круглая дура. Интересно, что бы она сказала, если бы эта бездарная журналистка оказалась невероятно талантливым биологом?

– Значит, как человек она в целом не умна, – уточнила Настя не без задней мысли.

– Абсолютно, – горячо подтвердила мать писателя.

– А у вашего сына никогда не возникало недовольствия по этому поводу? Ведь он, как натура творческая, тонкая, художественная, не мог не видеть, что его жена недостаточно умна и образованна.

В кабинет вернулся Ольшанский и сел на свое место, не прерывая их беседы. Однако Галина Ивановна сразу вся как-то подобралась, словно почуяв рядом врага и приготовившись к отпору.

– Мой сын был увлечен ею как женщиной, поскольку никаких других достоинств у Светланы нет, – сухо ответила она. – Я ведь уже объясняла вам, Ленечка был чистым и порядочным мальчиком, он никогда не позволял себе вступать в интимные отношения с девицами, если не имел серьезных намерений, поэтому, когда за дело взялась Светлана, он был покорен моментально. Он был нормальным молодым мужчиной, вы должны понимать...

– Хорошо, – вступил Ольшанский, – оставим эту тему. Вернемся к вашему сыну, Галина Ивановна. Скажите, пожалуйста, вы читали его произведения?

– Разумеется, – гордо ответила Параскевич. – Я читала их раньше всех, Ленечка всегда приносил мне рукописи, еще до того, как показывал их в издательство.

– В критических статьях о книгах вашего сына неоднократно отмечалось, что Леонид Параскевич – тонкий и глубокий знаток женской психологии, женской души. Вы согласны с этим утверждением?

– Безусловно, – твердо заявила она.

– Тогда расскажите нам, пожалуйста, откуда он получил все те знания, которые помогли ему стать автором женских романов. Он мужчина. Опыт общения с женщинами у него, если верить вашим словам, минимальный. Откуда же он все это знает? Когда и при каких обстоятельствах научился он так хорошо понимать женщину?

Галина Ивановна попалась в заранее расставленную ловушку. После всего, что она тут понарасказывала, уже нельзя было апеллировать ни к Светлане, ни к знакомым девушкам и женщинам, сказав, что у Ленечки их всегда было много, потому что он был красивым юношей и пользовался успехом. Этот номер уже не проходил, и Галине Ивановне скрепя сердце пришлось назвать двух женщин, которые были увлечены Леонидом и даже, похоже, сумели обратить на себя его внимание. Во всяком случае, приходя в гости к матери без жены, он неоднократно звонил им.

Настя была вполне удовлетворена результатами допроса и уже собралась было уходить, оставив Ольшанского наедине с Галиной Ивановной, как вдруг ее внимание привлекла одна фраза:

– Ленечка не простит мне, что я выдала его сердечную тайну. Он сурово накажет меня за это.

– Извините, я не поняла.

Настя вернулась к столу и снова села напротив Параскевич.

– Вы пользуетесь услугами медиумов?

– Нет. С чего вы взяли?

– Из ваших слов можно сделать вывод о том, что вы вступаете в контакт с покойным сыном. Я просто хотела уточнить.

– Нет-нет, что вы, – замахала руками Галина Ивановна. – Я не верю в загробный мир и всякие такие вещи. А насчет того, что Ленечка не простит, это так, образное выражение. С языка сорвалось.

Но от Насти не укрылось, что Галина Ивановна Параскевич стала мучнисто-бледной. И это ей совсем не понравилось.

* * *

Светлана Параскевич припарковала старенькие «Жигули» возле издательства и вошла в подъезд, неся в руках толстую папку. Теперь она сама будет вести все переговоры с издателями. У Лени никогда не хватало характера послать их всех подальше с их нытьем, жалобами на финансовые трудности и слезными мольбами отдать за смехотворный гонорар очередной роман, на котором издательство «наварит» не меньше восьмидесяти тысяч. Долларов, разумеется. Леня был добрым и мягким и никак не мог переступить через собственный характер, хотя и понимал, что давно пора это сделать. Что ж, теперь это за него сделает его жена, вернее, вдова.

– Света? – несказанно удивился директор издательства, увидев ее. – Какими судьбами? Разве мы остались должны вам за последнюю книгу? По-моему, мы полностью рассчитались, нет?

– Да, – кивнула она. – За ту книгу вы с нами полностью рассчитались. Но есть новая. Леня закончил ее в тот день, когда его убили. Могу предложить ее вашему издательству. Если хочешь, конечно.

– Боже мой! – взвился директор. – И ты еще спрашиваешь! Конечно, хочу. Мы будем счастливы издать еще один роман великого Параскевича. Ты только представь: роман, последнее слово в котором было написано за три часа до трагической гибели. В момент расхватают. Тысяча долларов тебя устроит? За предыдущую книгу мы заплатили Леониду девятьсот, но за эту, поскольку она все-таки последняя, – тысячу. Идет?

Светлана встала и взяла со стола папку с рукописью.

– Ты ничего не понял, Павлик, – ласково сказала она. – А раз ты ничего не понял, то и разговаривать нам с тобой не о чем. До свидания.

Она сделала шаг к двери, как вдруг Павел выскочил из-за стола и метнулся ей наперерез.

– Ну, подожди, Света, куда ты? Мы ж с Леней сто лет были знакомы, можно же как-то по дружески... Ну сколько ты хочешь? Тысячу двести? Тысячу триста?

– Я хочу двадцать пять тысяч долларов, Паша. И торговаться с тобой я не буду ни при каких условиях. Или ты берешь эту книгу за двадцать пять тысяч, или я отношу рукопись в другое издательство. И не смей мне рассказывать о том, какой ты бедный. При тираже в сто пятьдесят тысяч экземпляров себестоимость одной книги не превышает восьмисот рублей, потому что вы нашли дешевую типографию где-то в Клинцах. Оптовикам вы отдаете их по две тысячи, таким образом, на каждой книжке вы получаете тысячу двести рублей прибыли. При тираже в сто пятьдесят тысяч – сто восемьдесят миллионов. А вы, насколько я знаю, с оптовиками не связываетесь, у вашего издательства есть собственная сеть реализации, вы ее сколотили на паях с четырьмя другими издательствами. И продаете вы каждую книжку по пять-семь тысяч рублей. Поскольку с арифметикой у меня в школе было все в порядке, то торговаться с тобой, Паша, я не буду. Или двадцать пять, или я ухожу.

– Хорошо, хорошо, не кипятись. – Павел успокаивающим жестом взял ее под руку и подвел к креслу. – Ты же понимаешь, сумма настолько велика, что я не могу

решить вопрос в течение двух минут, ни с кем не посоветовавшись. Оставь рукопись, редактор ее посмотрит, и, если мы ее одобряем и принимаем, мы вернемся к обсуждению вопроса о гонораре. Зачем же сейчас копыя ломать, если неизвестно, будем ли мы вообще издавать книгу. А вдруг она плохо написана и никуда не годится? Кота в мешке покупать?

Губы Светланы изогнулись в саркастической усмешке, небольшие глазки сощурились и стали казаться совсем маленькими.

– Паша, Паша, – укоризненно покачала она головой. – Ничему тебя жизнь не учит. Все, друг мой, разговор окончен. Рукописи Параскевича не нуждаются в одобрении и редактировании, это знает вся издательская Москва. Рукописи моего мужа принимают не глядя и тут же запускают в набор, а ровно через два месяца они выходят в свет. Может быть, ты не знаешь, что его книги лежат на прилавках не больше двух недель, а потом их днем с огнем не достать? Может быть, для тебя новость, что каждая его новая книжка раскупается мгновенно? И еще одно, Пашенька. Может быть, плохие мальчики, которые работают в твоём издательстве, скрыли от тебя, что делают «левые», неучтенные тиражи Лениных романов? В выходных данных книг стоит тираж сто пятьдесят тысяч экземпляров, а на самом деле напечатано триста тысяч. За сто пятьдесят, указанных в выходных данных, вы отчитываетесь перед налоговой инспекцией, а прибыль за остальные сто пятьдесят идет вам в карман. Господи, Паша, какие у тебя глазки-то круглые! Что, не знал, что ли? Ты воздух-то выдохни из живота, ведь лопнешь сейчас. Вы вместе с остальными четырьмя издательствами сосали из Лени кровь целых пять лет, пользовались тем, что он не мог вам отказать, прикидывались его друзьями, а друзьям принято помогать в беде. Теперь все, дружок, малина ваша кончилась. Леня молодой был совсем и безумно талантливый, и вы думали, что он еще много лет будет вас радовать сказочными прибылями, он ведь сочинял легко и быстро. Поэтому эксклюзивные права вы у него покупали только на шесть месяцев со дня сдачи рукописи. Зачем вам больше, думали вы, если он через шесть месяцев новую вещь напишет, так лучше же новую издать, чем переиздавать старую, тем более что вы тираж-то зафигачили будь здоров какой, что официальный, что левый, все женское население России отоварилось. А к сегодняшнему дню все эксклюзивные права у вас кончились. Осталось только право на последнюю книжку, которая вышла месяц назад, но и это право через три месяца кончится, а вам с него все равно никакого навару, у вас же тиражи огромные, так что затевать переиздание сразу же после первого издания бессмысленно. Все, пуфик ты плюшевый. Теперь ничего дешевого вы на Лене не сделаете, это я вам обещаю. У него вышло двадцать шесть книг, у меня в руках – двадцать седьмая, самая дорогая, потому

что закончена, как ты справедливо заметил, ровно за три часа до трагической гибели. И не думай, котик жирный, что я тебе папку оставляю. Я заберу ее с собой и жду вашего решения до вечера. Телефона у меня пока нет, поэтому сегодня вечером я сама тебе позвоню, и если ты не скажешь, что готов заплатить за рукопись столько, сколько я сказала, то завтра я предложу ее Игорю, потом Нугзару, потом Левушке, потом Анне. Вас пятеро пауков, охвативших всю Москву, а может быть, и всю Россию. И кто-нибудь из вас непременно купит рукопись и станет еще богаче. А остальные будут палец сосать.

Она легко повернулась и вышла из кабинета директора издательства «Павлин», не дожидаясь прощальных слов.

Павел некоторое время сидел неподвижно, словно прислушиваясь к каким-то одному ему слышимым голосам, потом нажал кнопку селектора и вызвал к себе коммерческого директора.

* * *

Наталья Досюкова едва успела открыть входную дверь, как раздался телефонный звонок. Она не сразу узнала Поташова, вероятно, оттого, что не ждала его звонка так скоро, ведь она вернулась в Москву только сегодня.

– Вы виделись с мужем? – требовательно спросил он.

– Да, Николай Григорьевич. Правда, свидание дали краткосрочное.

– Ну, это в порядке вещей. Трехсуточное он себе еще не высидел, – пошутил Поташов. – Вы узнали что-нибудь новое, важное для дела?

– Нет, к сожалению. Он только твердит, что не виноват, что не совершал убийства и будет бороться до конца.

– Это все прекрасно, – недовольно откликнулся правозащитник. – Но для того, чтобы бороться, нужны не слова и эмоции, а факты и доказательства. Он обратился ко мне за помощью, я взялся за то, чтобы помочь вашему мужу оправдаться, но сам он должен тоже хоть что-то предпринять. Все свидетельские показания против него, он же, со своей стороны, утверждает, что

свидетели подкуплены и дают заведомо ложные показания. Я готов взяться за то, чтобы раскрутить это дело, но он же должен мне объяснить, кто и зачем мог попытаться посадить его на такой срок. Ведь если свидетели подкуплены, если сам потерпевший назвал его, значит, есть некая весьма могущественная сила, в интересах которой было засадить в тюрьму невинного. И кто, кроме вашего мужа, может знать его врагов?

– Я все понимаю, Николай Григорьевич, но что же я могу сделать? Он ничего мне не сказал. Только твердит, что невиновен. Николай Григорьевич...

– Да-да? Что вы хотели сказать?

– А вдруг он все-таки совершил это убийство? Знаете, я очень его люблю, но... Я не знаю. Я же приняла ударную дозу снотворного и спала как убитая. Конечно, я всем говорила, что Женя был дома, спал, но положила руку на сердце... У меня над ухом можно было из пушки стрелять, я бы не проснулась.

– Наташенька, вы меня огорчаете. Ну что за настроения? Разумеется, ваш муж невиновен. Зачем бы он стал обращаться ко мне, если бы совершил убийство? Если бы он был действительно преступником, он бы знал, что нет шансов на оправдание, и не стал бы писать мне.

– Вы не знаете Женю, Николай Григорьевич. Он мыслит и рассуждает совсем не так, как вы. Он всегда уверен, что может обмануть кого угодно. Он сильный, властный, жесткий. Он особенный, понимаете? И мне не дает покоя мысль, что он всех нас водит за нос.

– Хорошо, Наташенька, оставим это. В конце концов, мой долг прийти на помощь человеку, который в этом нуждается. У вас есть деньги, чтобы нанять толкового частного детектива?

– Да, конечно. Женя разрешил тратить на его освобождение столько, сколько нужно.

– Отлично. Я поговорю со своими знакомыми в милицеских кругах, попрошу их рекомендовать хорошего специалиста. Как выглядит ваш муж? Как себя чувствует?

– Прекрасно, – усмехнулась Наталья. – Выглядит так, словно только что вышел из своего кабинета.

– Это хорошо. Значит, он готов бороться. Он не пал духом. Стойкости вашего мужа можно позавидовать. И вашей тоже, Наташенька. Крепитесь, будем делать все возможное, чтобы его оттуда вытащить.

Разговор с правозащитником расстроил ее. Впрочем, в последний год ее мало что могло обрадовать, поднять ей настроение. Разве что чернокожий Джеральд... В постели с ним она сумела забыть о том, что ее муж отбывает срок за убийство. И даже о том, какой грех она взяла на себя.

Нет, так не годится, нужно встряхнуться и подвести итоги. Вот документы, согласно которым она может распоряжаться всем имуществом Евгения. Он сам предложил ей подписать такие документы, потому что на адвокатов и частных детективов потребуются большие средства. Женя даже сказал, что, если нужно будет дать взятку, пусть Наталья сделает это, только бы освободиться из колонии.

Итак, чем она располагает? Огромная четырехкомнатная квартира в центре, недавно сделанный «европейский ремонт», дорогая и со вкусом подобранная мебель. Загородный дом, кирпич, три этажа, сауна, бассейн, гараж на четыре машины, с учетом приезда гостей. Два автомобиля – серебристый «Вольво» и темно-бордовый «СААБ». Счета в российских и европейских банках. Господи, и такой человек, обладатель всего этого, сидит в тюрьме? Помыслить невозможно. Наталья до сих пор не могла поверить в то, что это все-таки случилось.

Она разделась и пошла в ванную. Включив горячий душ, остановилась перед огромным, во всю стену, зеркалом и стала внимательно разглядывать свое тело. Кое-где проступили синяки от железных пальцев Джеральда. Наталья вспомнила его огромные черные глаза, будто прожигавшие ее насквозь, и поежилась. Ей никогда не нравились ласковые нежные мужчины, ее возбуждали натиск, мощь, демонстрация силы и превосходства, она любила, когда ее крутили, вертели, мяли, причиняли боль. Женя не был таким, он вообще был слабоват в постели, зато Джеральд – как раз то, что надо.

Она повернулась, чтобы рассмотреть в зеркале спину и ягодицы, порадовалась тому, что изящный изгиб от тонкой талии к пышным бедрам по-прежнему

красив, и внезапно почувствовала острый приступ отвращения к самой себе и к своему случайному партнеру. Наталья быстро залезла в ванну, задернула яркую занавеску и встала под душ. Женя там, в зоне, в холоде, в общем бараке, где живут сто человек. Он вынужден есть отвратительную, несъедобную баланду, он видит вокруг себя тупые, безразличные лица, он двадцать четыре часа в сутки находится среди убийц, бандитов, насильников и прочих идиотов, у которых в голове ничего нет, одно дерьмо. Женя, гордый и независимый, который одним движением пальца, одним росчерком пера безжалостно расправлялся с теми, кто ему вредил, и щедро, не оглядываясь и ни с чем не считаясь, помогал тем, кто в этом нуждался. Теперь он сам нуждается в помощи, а она, его жена, в это время выкаблучивается в гостиничном номере чужого города в объятиях чужого мужика из далекой, чужой страны...

Горячая вода, стекая по ее лицу, смешивалась с солеными слезами. Впервые за все годы боязливое восхищение, с которым Наталья относилась к Евгению Досюкову, сменилось всепоглощающей жалостью и состраданием. Если бы еще два дня назад ее спросили, любит ли она мужа, ей пришлось бы солгать. Сегодня эта ложь была бы уже не такой абсолютной.

* * *

Намеченное на среду мероприятие, которое так беспокоило Сергея Николаевича Березина, состояло в том, что за несколько дней до выборов в Государственную Думу лидеры политических партий с супругами были приглашены на прием, который устраивала в виде «прощального банкета» нынешняя Дума перед тем, как сложить свои полномочия. За этой официальной личиной крылось на самом деле совсем другое. Многочисленные журналисты должны были посмотреть на политиков и их жен вблизи, заводить с ними «непротокольные» разговоры, наблюдать, кто что ест и кто сколько пьет, кто как одевается, как держится. Короче, предвыборные смотрины для прессы. Сегодня среда. Остаются четверг и пятница для того, чтобы во всех газетах появились злые, ехидные и желчные комментарии по поводу каждого присутствовавшего на приеме политика. В субботу уже предвыборная пропаганда будет запрещена, а в воскресенье – выборы. Так что если напортить сегодня, то поправлять будет некогда.

С утра Березин уехал по делам, оставив Ирину в одиночестве дожидаться портниху, которая должна будет привезти готовое платье для вечернего выхода. Вчерашний конфликт оставил у него в душе неприятный осадок, но,

вернувшись вчера вечером домой, он заметил, что Ирина вроде бы и не сердится, не дуется, во всяком случае, ничем не напоминает, на какой скандальной ноте они расстались утром.

Вчера, вернувшись домой, Сергей Николаевич был приятно удивлен, что в квартире пахло тестом и ванилью и еще чем-то неуловимо знакомым, чему он не знал названия, но что прочно ассоциировалось у него с детством.

– Сережа! – раздался из кухни голос Ирины. – Как ты вовремя, у меня как раз все готово.

Березин вошел в кухню и увидел накрытые чистыми цветастыми полотенцами огромные плоские блюда, полные пирогов и булочек.

– Бог мой! – изумился он. – Что это, Ирочка? Ты пекла?

– Ты знаешь, я решила попробовать, – лучезарно улыбнулась она. – Я никогда в жизни не пекла сама, только в детстве смотрела, как бабушка это делает. Ну вот, открыла кулинарную книгу, купила продукты и стала делать все в точности так, как там написано. Ты знаешь, Сережа, оказывается, кулинарные книги – это просто замечательная вещь. Только не нужно заниматься самодеятельностью, ведь эти книги писали умные и опытные люди. Надо делать все именно так, как там сказано, и все получится. Раздевайся, будем ужинать.

Березин ушел в спальню, чтобы снять костюм и натянуть джинсы и джемпер. Проходя мимо гостиной, он заметил, что стол не накрыт к ужину. Странно. Она что же, собирается кормить его в кухне?

Переодевшись и вымыв руки, он снова заглянул на кухню и с неудовольствием отметил, что Ирина действительно ставит приборы, хлеб и специи на кухонный стол.

– Мы что, будем ужинать здесь? – сдержанно спросил он.

Ирина подняла на него удивленные глаза.

– А где же?

– Обычно мы... Я... – Березин смешался. – Всегда было принято накрывать стол в гостиной.

– Но зачем? – недоумевающе спросила Ирина.

– Ну не знаю, – раздраженно сказал он. – Принято, и все тут. Давай я помогу тебе отнести в комнату приборы.

– Хорошо. – Она пожала плечами.

Не обменявшись ни словом, они быстро накрыли стол. Березин сам вытащил из шкафа скатерть, а из застекленной секции мебельной стенки – высокие красивые стаканы.

– А вода? – нахмурился он, видя, что Ирина уже собирается сесть за стол.

– Вода? – не поняла она. – Какая вода?

– Минеральная вода или сок какой-нибудь. Что, у нас нет?

– Есть, я сейчас принесу. Я же не знала, что ты хочешь.

– Запомни, – сухо сказал Березин, – воду или сок нужно ставить на стол обязательно, не спрашивая, хочет кто-то или нет. Это как хлеб или солонка, должно быть на столе во всех случаях. И включи, пожалуйста, телевизор.

Ирина принесла воду, включила телевизор и села за стол. Ужин прошел в гробовом молчании, Ирина уткнулась в тарелку, а Березин смотрел информационную программу. Когда очередь дошла до чая с пирогами, он одобрительно кивнул:

– Очень вкусно, ты молодец.

И больше по поводу кулинарных упражнений не произнес ни слова.

После ужина Ирина ушла мыть посуду, а когда вернулась в комнату, по другой программе шла уже другая информационная программа, которую Березин смотрел с не меньшим интересом. Она посидела несколько минут на диване, разглядывая книги на полках, потом тихонько поднялась и ушла в маленькую комнату. До утра Березин ее не видел.

Утром она встала раньше его и приготовила завтрак. Березин с удовлетворением отметил, что сегодня она была причесана и одета в длинную юбку, как и вчера, но только без его напоминаний и замечаний. Он испытывал странную неловкость за вчерашний вечер и попытался сгладить ее за завтраком.

– Что вы решили с портнихой? – спросил он.

– Она привезет платье часов в одиннадцать, чтобы осталось время на всякий случай, если что-то придется переделывать.

– Что ты ей заказала?

– Знаешь, мне было трудно сразу решить, что мне нужно, поэтому вчера я заказала только платье для сегодняшнего вечера и один комплект для дома. Она как-нибудь на днях приедет еще раз, и я закажу ей все остальное.

– Я надеюсь, то, в чем ты появишься сегодня вечером, не будет слишком вызывающим? – осведомился Березин и тут же прикусил язык.

Но было поздно. Ирина намек поймала на лету.

– Ты хочешь сказать, что у проститутки непременно должен быть вульгарный вкус? – мягко произнесла она, и Березин удивился, что она, кажется, ничуть не рассердилась.

– Прости, Ира, я вовсе не хотел тебя обидеть, – покаянно сказал он. – Прости меня. Я дурак.

– Нет, Сережа, ты не дурак. Ты просто злой и очень несчастный. И не волнуйся насчет платья, оно будет дорогим и элегантным, но в то же время строгим и скромным. Я только хотела спросить насчет украшений...

– Все, что лежит в шкатулках, твое, я же говорил тебе.

– Нет, это все не годится, я уже посмотрела. Для того чтобы получилось то, что ты хочешь, нужен жемчуг. Только жемчуг. Никакие бриллианты с изумрудами для этого не подойдут.

– Да? – Он вопросительно вздернул брови.

У этой малышки есть собственное мнение? Очень любопытно.

– Хорошо, я привезу тебе жемчуг. Хотел бы надеяться, что вкус тебя не подведет.

В пять часов вечера Березин вошел в квартиру, внутренне содрогаясь. Сейчас выяснится, что платье, которое заказала без его пригляда Ирина, годится только для валютных диско-клубов, а деньги, потраченные на жемчужное кольцо и серьги, окажутся выброшенными псу под хвост.

Ирина встретила его все в той же длинной вязаной юбке, в которой была утром. Длинные светло-русые волосы забраны в небрежный узел на затылке, лицо не накрашено.

– Вот твой жемчуг. – Березин протянул ей футляр. – Сделай мне кофе и начинай собираться. В шесть пятнадцать придет машина.

Ирина прямо в прихожей открыла футляр, цепким взглядом оглядела украшения и кивнула:

– То, что нужно.

Березин про себя усмехнулся. Много она понимает! Конечно, она его жена и вообще, кажется, неплохая девка, но ведь за плечами у нее такой стаж проституции... Жемчуг ей, видите ли, понадобился для создания образа. Ну-ну, посмотрим.

Он не спеша пил кофе на кухне, снова и снова мысленно проговаривая ответы на самые разные вопросы, которые могут сегодня вечером задать ему пронирливые

журналисты. Социологические опросы показывают, что его партия пользуется доверием у довольно большой части населения, и шансы стать депутатом у Березина неплохие, ведь он находится в первой пятерке партийного списка. Для того чтобы пройти в Думу, нужно, чтобы его партия получила больше пяти процентов голосов избирателей, а предварительные прикидки позволяют надеяться на то, что этот процент будет куда выше. Но сегодняшнее мероприятие может в один миг переставить акценты, если лидеры конкурирующих партий поведут себя неправильно, потеряют лицо в глазах электората. Нужно быть очень внимательным и собранным, следить за каждым своим словом, стараясь при любой возможности одерживать пусть и крошечные, но такие важные моральные победы над политическими противниками...

– Я готова.

Березин обернулся и обомлел. Перед ним стояла ожившая картина девятнадцатого века – женщина со строгим нежным лицом, прической-«улиткой», уложенной высоко на затылке, в длинном жемчужно-сером платье, спадавшем свободными складками на пол и плотно облегающем плечи, грудь и талию. Да, эта маленькая шлюшка оказалась права: никакие бриллианты и изумруды сюда не подходят, только жемчуг. Изящно, строго, просто. С ума сойти!

Подчиняясь внезапному порыву, Березин подошел к Ирине и обнял ее, прижав ее голову к своей груди и вдыхая запах духов, исходящий от ее волос.

– Ирочка, – прошептал он. – Ирочка. Красавица моя.

Она мягко отстранилась и подняла на Сергея Николаевича жемчужно-серые глаза, которые в этот миг показались ему холодными и напряженными.

– Это то, что ты хотел?

– Да, все именно так, как нужно.

Ему стало неловко, он уже корил себя за то, что поддался порыву, такому смешному и неуместному ни сейчас, ни вообще, и попытался скрыть смущение за небрежным и уверенным тоном:

– Ты не забыла, как нужно отвечать на вопросы?

– Нет, я помню. Я не вмешиваюсь в политические дела мужа, мое дело – хранить семейный очаг и быть тебе крепким тылом, а твоя первая жена меня не интересуется. Я прекрасно готовлю, умею принимать гостей, собираюсь родить тебе не меньше трех детишек, как только здоровье позволит...

– Да, кстати, – перебил ее Сергей Николаевич, – если почувствуешь, что к месту, можешь сказать, что в момент автокатастрофы ты была беременна и что, к сожалению, лечение после аварии не позволило сохранить беременность. Но ты надеешься, что в самом ближайшем будущем здоровье позволит тебе рожать. Но смотри не переборщи, это хорошо бьет на жалость, но самое главное не в этом. Твоя задача не в том, чтобы вызвать к себе сочувствие из-за произошедшего несчастья, а в том, чтобы вызвать восхищение твоим стойким желанием выполнить материнский долг. Ты поняла?

– Да. Я буду стараться, Сережа. Но все равно я очень боюсь.

Он подал ей шубу и только тут заметил, что на ногах у Ирины легкие темно-серые туфельки.

– Ты разве не наденешь другую обувь? – удивился Березин. – На улице снегу по колено.

– Разве можно надевать сапоги к такому платью?

– Я надеюсь, там будет комната, где можно переодеться и привести себя в порядок.

– А вдруг не будет? И я буду выглядеть смешно и нелепо.

Ирина стояла спиной к нему и, глядя в зеркало, укладывала на шее красивыми складками большой шелковый платок. Лицо ее было сосредоточенным и немного сердитым, и сейчас она напоминала Березину маленькую девочку, которая хмурится из-за того, что что-то не получается. Его снова охватила непонятная нежность к этой женщине. Он обнял ее за плечи и слегка прижал к себе, стараясь не испортить сложную прическу.

– Ты всегда такая боязливая и осторожная, обо всем беспокоишься заранее? – чуть насмешливо спросил он.

– На твоём месте я бы не стала задавать такие вопросы, – холодно ответила Ирина. – Потому что ответы на них ты прекрасно знаешь сам.

Его бросило в жар, он отпустил Ирину и стал надевать пальто. Никаких дубленок и кожи он не признавал, натуральный мех годился только для женщин, а пуховики – для молодежи. Березин зимой носил безумно дорогое темно-серое пальто со светлым шарфом из тончайшей шерсти и ходил в любой мороз без головного убора. У него были на редкость хорошие волосы – дар природы, который он берег, – очень густые, прямые, с обильной ранней сединой, идеально держащие форму стрижки. Прическа придавала Березину вид серьёзный и вызывающий доверие, а как только он прикрывал её шапкой или шляпой, сразу делался похожим на секретаря райкома из застойных времён.

Они спустились, машина уже стояла у подъезда, но нужно было пройти по меньшей мере десяток шагов по снегу. Березин колебался всего одно мгновение, решение, как, впрочем, все удачные решения, приходящие в голову Сергею Николаевичу, созрело внезапно. Он подхватил Ирину на руки и донес до машины. Водитель уже стоял у задней двери, предупредительно открыв её.

– Спасибо, милый, – нежно сказала Ирина, достаточно громко, чтобы водитель это услышал.

Березин уселся рядом с ней на заднее сиденье и вполголоса сказал:

– Неплохая мысль, верно?

– Образ лепится прямо на ходу, – усмехнулась в ответ Ирина.

Березин придвинулся к ней совсем близко, его губы были уже у самого её уха.

– Между прочим, водителя зовут Володей. В начале весны, незадолго до того, как ты попала в аварию, он возил тебя в аэропорт встречать твою тетку из Красноярска. Была нелетная погода, прибытие рейса задерживалось на четыре часа, и все эти четыре часа ты просидела с ним в машине и изводила его своими

капризами. То тебе было жарко, то холодно, то ты пить хотела, то есть, то курить.

– Даже курить? – приподняла брови Ирина.

– Ну, иногда у тебя появлялось такое желание, хотя и нечасто. В общем, достала ты бедного парня.

– И больше я с ним не встречалась?

– Насколько я знаю, нет.

– Володя, – громко сказала она.

– Да, Ирина Андреевна?

– Вы до сих пор на меня сердитесь? Не стоит, голубчик, я знаю, что порой бываю ужасно несносна, но потом раскаиваюсь и корю себя. Если я вас обидела тогда, то приношу свои извинения.

– Ну что вы, Ирина Андреевна, не о чем говорить.

Березин на ощупь нашел ее руку и слегка пожал в знак одобрения. Ирина на пожатие не ответила, но руки не отняла. Так, взявшись за руки, они и ехали. До подъезда было метров двадцать, и репортеры восторженно защелкали камерами, увидев, как известный партийный лидер Сергей Березин несет на руках свою красавицу жену.

В первые полчаса все было спокойно, политики под руку со своими супругами прогуливались по огромному залу, где был накрыт фуршет, журналисты никого не дергали, пока присматривались, выбирая наиболее интересные и перспективные жертвы. Потом Сергей Николаевич увлекся беседой с известным киноактером, который проходил по спискам партии, очень близкой по своей политической платформе к партии Березина, а Ирину осторожно тронул за локоть журналист, известный своей зубастостью и недоброжелательностью.

– Скажите, Ирина Андреевна, трудно быть женой политика?

– Трудно быть женой, – ответила она очень серьезно. – А политика или циркового артиста – значения не имеет.

– Очень интересное заявление, – оживился журналист. – Пожалуйста, несколько слов о том, почему трудно бывает быть женой Березина.

– Мой муж – человек неординарный, и хотя я знаю его достаточно давно, все равно он остается для меня не до конца прочитанной книгой. Мне очень хочется нравиться ему, но я не всегда могу точно угадать, что ему нравится, а что – нет. Поэтому я постоянно нахожусь в некотором напряжении.

– Вы хотите сказать, что ваш супруг часто и легко меняет свои вкусы и пристрастия?

– Ничего подобного. Совсем наоборот, он на редкость постоянен и в своих вкусах, и в своих убеждениях. Просто я еще не до конца его изучила.

– Сколько лет вы женаты?

– Шесть лет. В феврале будем отмечать седьмую годовщину.

– И семи лет вам не хватило для того, чтобы изучить вкусы вашего мужа?

– Человек, которого можно полностью изучить за семь лет, – это примитивное существо, согласитесь, – с улыбкой парировала Ирина. – Человеческая личность, индивидуальность настолько многогранна и глубока, что на постижение ее порой уходит вся жизнь. Чем сложнее человек, чем богаче его натура, тем больше времени требуется для того, чтобы его изучить.

– У вас есть дети?

– Пока нет, но обязательно будут...

Ирина и журналист стояли довольно близко от Березина, который разговаривал с киноактером, и Сергей Николаевич краем уха прислушивался к тому, что говорила его жена. Он остался очень доволен ее ответами. Сначала она

сморозила явную глупость, из которой избиратели могли бы сделать вывод о непредсказуемости и непрогнозируемости Березина. Могли бы, конечно, при удачной подаче журналиста. Но Ирина вовремя спохватилась и вывернулась, да еще так ловко и красиво, что он заплодировал бы ей, если бы было можно. А писака-то уже губенки раскатал, уже размечтался, как крупными буквами напишет: «Лидер одной из демократических партий настолько непредсказуем и так легко меняет убеждения и пристрастия, что даже его жена никогда не знает, что приготовить ему на обед». Фигушки, выкуси!

Извинившись перед актером, Березин ловко увел Ирину в сторонку и, наклонившись к ней, сказал тихонько:

– Ты умница, Ирочка, с журналистом ты разделалась просто блестяще. У тебя все отлично получается, поэтому ничего не бойся.

Поцеловав ей руку и краем глаза заметив, что в этот момент их сфотографировали, Сергей Николаевич Березин снова оставил жену в одиночестве и отошел поприветствовать знакомого бизнесмена.

Ирина огляделась по сторонам и случайно встретила глазами с рослой нескладной женщиной с плохо покрашенными волосами и небрежным макияжем. Женщина тут же, поймав взгляд, ринулась к Ирине.

– Ирина Андреевна Березина, я не ошиблась? – спросила она низким звучным контральто, которое никак не вязалось с ее «охламонистой» внешностью.

– Нет, вы не ошиблись.

Ирина внутренне сжалась. Она сообразила, что это и есть та самая Олеся Мельниченко, журналистка, о которой ее особо предупреждал Березин. Мельниченко год назад брала интервью у первой жены Березина, и ничего хорошего от разговора с ней Ирина не ждала.

– Моя фамилия Мельниченко, я работаю...

Она назвала известный женский ежемесячный журнал, выходящий огромным тиражом.

– Вы не откажетесь дать интервью для нашего журнала?

«Откажусь! – хотелось закричать Ирине. – Убирайся отсюда вместе со своим журналом! Я не хочу с тобой разговаривать! Я не знаю, как с тобой разговаривать!»

– С удовольствием, – мягко улыбнулась она. – Мне приятно, что фигура моего мужа заинтересовала такой популярный журнал.

– Наша аудитория – женщины, – заявила Мельниченко, – а по результатам анкетирования наших читательниц ваш муж попал в число трех самых привлекательных мужчин-политиков. Поэтому нашим читательницам будет интересно прочесть о том, какая же у Березина жена. Итак...

Первые несколько вопросов были вполне безобидными, и Ирина ответила на них легко, почти не задумываясь. Дальше дело пошло хуже.

– Как вы полагаете, Ирина, муж вас любит?

– Он говорит, что любит, а у меня нет оснований ему не верить, – осторожно ответила она.

– Что вы подразумеваете, говоря: нет оснований?

– Я имею в виду, что мой муж ни разу меня не обманул ни в чем. Поэтому какое же я имею право сомневаться в этих его словах?

– А как вы считаете, как первая жена Сергея Николаевича ответила бы на этот вопрос?

– Для того чтобы что-то предполагать, нужно знать характер человека. К сожалению, я не была близко знакома с его первой женой, поэтому мне трудно судить.

– А вы хотели бы с ней познакомиться поближе?

– Я никогда не думала об этом. Разумеется, мне было бы не только интересно, но и полезно узнать человека, которого любил мой муж и с которым прожил бок о бок более десяти лет. Это позволило бы мне лучше понять характер Сергея.

– И вы не испытывали бы смущения от встречи с женщиной, чье семейное счастье вы же и разрушили?

– Вы не правы, – твердо ответила Ирина, понимая, что отступить некуда и то, чего она так боялась, все-таки случилось. – Более того, вы дважды не правы. Во-первых, союз Сергея и его первой жены начал распадаться задолго до того, как мы с ним познакомились. И факт нашей встречи уже ничего не изменил. Во-вторых, Сергей, как, впрочем, и любой другой мужчина, – не бессловесное животное, которое можно без малейших усилий вывести из стойла, взяв за поводок. Я вообще не понимаю, откуда взялся этот чудовищный глагол «увести». Увести жену, увести мужа. Они что, вещи, кошки, ослы? Как можно увести человека, если он сам этого не хочет? Уверяю вас, по земле ходят тысячи и миллионы женщин, которые годами не могут развести своих женатых партнеров. И не разводят. Потому что эти партнеры не хотят оставлять своих жен. А есть такие, которые расторгают браки. И в каждом случае решение принимает сам мужчина, а никак не его женщины.

– А какую роль вы отводите женщине? Покорного и безропотного подчинения?

Здесь Ирина перевела дыхание. Сложный поворот она прошла, а теперь разговор вышел на ту стезю, к которой она была готова.

Глава 4

Версия об убийстве Леонида Параскевича по мотивам ревности казалась Насте Каменской достаточно перспективной. Во-первых, выбирать приходилось только между двумя версиями – бизнес и любовь, но убивать Параскевича по мотивам, связанным с деньгами, вряд ли кому-то было нужно. Единственный бизнес, которым он занимался, – это литературное творчество, издатели грели на нем руки, и убивать курицу, несущую золотые яйца, было глупо и бессмысленно. Во-вторых, поскольку мать погибшего с пеной у рта утверждала, что Ленечка был чистым и во всех отношениях приличным мальчиком, Настя была уверена, что на

самом деле он был тем еще бабником. Уж больно хорошо он разбирался в женщинах, о чем свидетельствовали его книги.

Итак, необходимо было встретиться с женой Параскевича Светланой и с теми двумя женщинами, которых скрепя сердце назвала Насте Галина Ивановна. Светлану Настя оставила «на закуску», решив начать с женщин, которые в разное время увлекались Леонидом.

Одна из них, Ольга Рюхина, оказалась совсем неинтересной в плане дальнейшей разработки – молоденькая девица, которой в период увлечения модным писателем было всего восемнадцать лет. Подруга Ольги работала корректором в одном из издательств, выпускавших романы Параскевича, и под большим секретом сообщила своей изнемогавшей от девичьей влюбленности подружке адрес и телефон писателя.

– Вы знаете, я ведь прямо умирала, – хохотала Рюхина, цветущая молодая женщина, недавно родившая в законном браке прелестного малыша. – Засыпала, положив его книгу под подушку, любовалась фотографиями, их же на каждой книжке печатали. С ума сходила. Знаете, раньше девушки в актеров и поэтов влюблялись, а теперь времена изменились, теперь влюбляются в писателей. Правда, раньше и женских романов не было.

– Как Леонид Владимирович отреагировал на ваш первый звонок?

– О, он был настоящим джентльменом. Сказал, что тронут вниманием, что ему очень приятно и так далее. Спросил, какие из его книг я читала и какие мне больше всех понравились. Потом извинился, сказал, что у него очень мало времени, записал мой телефон и спросил, когда он может мне позвонить, чтобы поговорить более подробно. Я прямо обалдела от счастья.

– И что дальше?

– Он позвонил мне через два или три дня, видно, ему было удобно разговаривать, потому что он никуда не торопился и очень подробно меня выпрашивал буквально по каждой книге: что понравилось, что не понравилось, на каком месте я догадалась, чем дело кончится, устроил ли меня финал или мне хотелось бы чего-то другого. Словом, разговаривал со мной как с большой, честное слово. Полный восторг!

– Вы с ним лично встречались или общались только по телефону?

– Встречались, конечно.

– Как часто?

– Да бог с вами, какое там часто! – снова расхохоталась Ольга. – Четыре раза всего встретились. В первый раз он мне цветы подарил и по парку со мной погулял часа два. Во второй раз ходил со мной по Ленинским горам, но уже без цветов. Тоже все про свои книги со мной разговаривал. В третий и четвертый раз приводил меня к себе, его жена как раз куда-то уезжала, в командировку, кажется. Полчаса секса и снова три часа разговоров. Я поняла, что он мной совсем не интересуется, что его интересуют только его книги. Он меня в качестве эксперта употреблял. Я хоть и молодая была, глупая, но не до такой уж степени, чтоб не сообразить. Я ему тогда и сказала, мол, Леня, не мучай себя, если тебе хочется со мной про книги разговаривать, то давай будем по телефону общаться. А то ты время стараешься выкроить, когда жены нет, сам нервничаешь, я боюсь – одним словом, сплошная нервотрепка и никакой радости. Вы бы видели, как он обрадовался! Как ребенок, когда ему говорят, что в школе карантин и можно сидеть дома и уроки не учить.

– И как развивались ваши отношения после этого?

– Да, в общем-то, никак. Из дому ему не всегда удобно было звонить, так он звонил мне, когда к матери приходил. Ох и ненавидел он ее, я вам скажу!

– Как вы сказали? – насторожилась Настя.

– Я говорю, мать свою, Галину Ивановну, он не переносил.

– Откуда вы знаете? Леонид прямо говорил об этом?

– Нет, что вы, кто ж про такое прямо скажет. Но заметно было. Он ведь передо мной не стеснялся, я же ему чужая совсем была, да и договорились, что встречаться больше не будем. Так что не стыдно.

– Приведите пример, пожалуйста.

– Ну... – Она задумалась. – Вот, например, звонит он мне из автомата и говорит: «Оля, я сейчас еду в издательство, часа через два освобожусь и попрусь к этой кикиморе. Так что с шести до семи жди моего звонка». Или вот другой пример. Приходит он к родителям, звонит мне, разговариваем мы с ним, и вдруг он говорит: «Минуточку подожди, пожалуйста». И начинает с матерью разговаривать. Да, мамуля, нет, мамуля, ну что ты, мамуля, конечно, мамуля. Потом снова ко мне обращается: «Знаешь, Оль, для этой суки большая жизненная удача, что я с самого начала стал показывать ей рукописи. Меня так и подмывает вывести в книге персонаж, списанный с нее, и выплеснуть наконец открытым текстом все, что я о ней думаю. Взял бы псевдоним, она бы и не узнала никогда, что это я написал, а прочитала бы как о посторонней женщине и, может быть, хоть что-нибудь поняла бы. Ведь она меня поедом ест всю жизнь, а свято уверена, что делает мне во благо. Вот ты думаешь, она сейчас ко мне с чем-то срочным подходила, чего нельзя было бы потом обсудить? Да ничего подобного. Чушь какую-то спрашивала. А ей важен сам факт, что она подошла – и, с кем бы я ни разговаривал, я всех пущу побоку и на нее переключусь, потому что она – самый главный человек в моей жизни. Потешила свое самолюбие, крови напилась, как вампир, и, умиротворенная, пошла отца догрызать. Господи, Оля, если б я мог, я бы убил ее».

– Скажите, Оля, как долго длился этот ваш телефонный роман?

– Да месяцев шесть-семь, наверное.

– По чьей инициативе вы прекратили общение?

– По моей. Я встретила человека, за которого теперь замуж вышла, и переехала к нему. Сами понимаете, вести длинные телефонные переговоры стало сложно. Мы с моим женихом вместе учились, так что по вечерам и дома вместе были.

– И как давно это случилось?

– Ну как... Игорьку уже годик и три месяца, вот и считайте. Года два с половиной назад, наверное.

– А ваш муж не мог узнать о ваших отношениях с Параскевичем?

– От кого же? – искренне удивилась Ольга. – Я ему не говорила, Леня с ним незнаком, а больше никто и не знал.

– Вы ошибаетесь, знала еще Галина Ивановна.

– Господи, а ей-то зачем моему мужу об этом рассказывать? Тем более найти меня не так просто, я фамилию поменяла да переезжали мы два раза после свадьбы. И потом, я своего мужа знаю, он бы обязательно у меня спросил, если бы узнал что-нибудь. Он совсем молчать не может, когда его что-то переполняет, знаете, характер такой бывает, когда из человека прямо выплескивается любая информация. Да он пяти минут не вытерпит. И вообще все это давно было, кого это волнует...

Настя не могла не согласиться с Ольгой Рюхиной. А что касается Галины Ивановны, то новой фамилии Ольги она действительно не знала, так что вряд ли могла связаться с ее мужем. Да и зачем? Собственному сыну напакостить? Бред.

* * *

Встреча со второй из названных Галиной Ивановной женщин заставила Настю крепко задуматься. Людмила Исиченко была очень странной особой. Настю она встретила в желтом. Желтыми были узкие обтягивающие брюки, короткая куртка на «молниях», длинный шарф из шифона и даже заколка в волосах. Цвет был интенсивным, напоминающим пуховую желтизну цыплят, и совершенно не шел Людмиле. Ее смугловатое лицо с ранними морщинами казалось от обилия желтого еще более смуглым и старым.

Поведение ее было столь же эксцентричным. Впустив Настю в квартиру, она тут же зажгла свечку, прошла в комнату первой и начертила перед собой в воздухе большой крест.

– Если вы пришли с недобрыми намерениями, крест защитит меня, – пояснила Исиченко, видя изумление на лице гостьи.

Настю кольнуло недоброе предчувствие. Сначала Галина Ивановна допускает случайные обмолвки о том, что, дескать, Леня ее не простит, теперь эта Исиченко явно демонстрирует приверженность разным мистическим учениям и

обрядам.

Разговор шел трудно, Людмила Исиченко, в отличие от Ольги Рюхиной, была тяжелым собеседником. Она не отказывалась говорить о Параскевиче, но то и дело сбивалась и отвлекалась на всякую потустороннюю проблематику.

– Скажите, как давно вы были знакомы с Леонидом? – спрашивала Настя.

– Я и сейчас с ним знакома, – следовал ответ. – Это не может кончиться, пока я жива.

– Так все-таки когда вы познакомились?

– Мы были знакомы в своих прежних жизнях, так что наша встреча была predetermined судьбой.

– Когда произошла эта встреча?

– Год и пять месяцев назад.

– При каких обстоятельствах?

– Я прочла его книги и поняла, что это – ОН.

– Кто – ОН?

– Человек, который предназначен для меня и которому предназначена я сама. Это был знак свыше.

– И вас не смутило то обстоятельство, что Леонид был женат?

– Какие глупости! – фыркнула Исиченко. – Женат! Что значит «женат» перед лицом вечности? Просто ему не дано было слышать голос, поэтому он и не мог знать, что должен искать и ждать меня. А я знала, поэтому когда я его нашла, то прямо ему об этом сказала.

– И как он отреагировал?

– Ему было трудно это понять, это ведь не каждому дано. Я пыталась говорить с его женщиной...

– С его женой? – уточнила Настя.

– С его женщиной, – презрительно поправила ее Людмила. – Потому что жена у него только одна – Я. А та была просто женщиной, которая временно удовлетворяла его земные потребности, пока меня не было рядом. Я так ей и сказала.

– И что же она? Поняла вас?

– Ей не дано. Она – существо низшего порядка, она не может понять высших идей.

– А Леонид мог?

– Он должен был умереть, чтобы понять их.

И так битых два часа. Разговор то и дело начинал пробуксовывать, превращаясь в бесформенное вязкое месиво, из которого Настя с огромным трудом выковыривала крупички информации. И информация эта ставила ее в тупик.

Если отбросить мистический туман и потусторонние идеи, больше напоминавшие психопатический бред, то история, дополненная последующими объяснениями Светланы Параскевич, выглядела следующим образом. Людмила Исиченко решила, что писатель Леонид Параскевич – тот самый мужчина, которого она ждала всю жизнь, то есть без малого сорок лет. Ну совсем без малого. Так как никаких общих знакомых у нее с модным романистом не было и познакомить их было некому, она взяла дело своего счастья в собственные руки и заняла пост возле одного из издательств, в котором выходили его книги. Ожидание было долгим, но не бесплодным. Спустя почти месяц она увидела Леонида, выследила его до самого дома, вошла вместе с ним в лифт, узнала, на каком этаже он живет, и даже успела увидеть, к какой квартире он подошел. На следующий день она явилась к нему домой, нисколько не смущаясь присутствием

его жены (женщины, как выразилась Людмила), представилась пылкой почитательницей и попросила автограф. Книги числом восемь штук она предусмотрительно принесла с собой. Параскевич не скрывал своего недовольствия, но книги подписал и вежливо предложил гостье чаю. Людмила от чая отказалась, чем моментально расположила к себе супругов, и гордо удалилась. Знакомство состоялось, остальное было делом техники. Случайная встреча в метро – что может быть естественнее? А когда выходит ваша новая книга? Ах как долго еще ждать, целый месяц, я сгораю от нетерпения. А возможно ли прочесть в рукописи? Я вам буду так благодарна. Да, конечно, когда вам удобно, запишите мой телефон, как только у вас появится свободная минутка, я подъеду, куда вы скажете, и возьму рукопись. Обещаю прочесть ее за сутки. Ваши книги читаются так легко... Потом последовала встреча, во время которой Леонид Параскевич передал Людмиле рукопись своей новой книги. Огромное вам спасибо, я немедленно бегу домой читать... Куда вам позвонить, когда прочту? Сами позвоните? Конечно, конечно, я завтра целый день буду дома. Буду ждать.

На следующий день Леонид позвонил ей из квартиры родителей и начал подробно выпрашивать, что ей понравилось в романе, что не понравилось... Одним словом, та же история, что и с Рюхиной. Знакомство постепенно крепло, Леонид пару раз заезжал к Людмиле домой, но никаких сексуальных поползновений не делал, чем приводил ее в неописуемую ярость. Она предприняла попытку сломить его целомудрие, но в ответ услышала традиционное объяснение о том, что он любит свою жену и изменять ей не хочет, а Людмила – глубокий, интересный, неординарный человек и интересуется его только в этом качестве, что, несомненно, намного более почетно, чем быть женщиной для плотских утех. Но Людмилу эти объяснения не удовлетворили, и она принялась развивать перед Параскевичем свою теорию о взаимном предназначении и знакомстве в прошлой жизни. Леонид сказал, что для него такой подход несколько, мягко говоря, странен и он должен подумать. На том они в тот раз и расстались.

После того как процесс обдумывания новой теории затянулся у Леонида на слишком длительное время, Людмила отправилась к нему домой, поскольку сам Параскевич почему-то перестал ей звонить, а своих телефонов предусмотрительно ей не оставлял. Дома его не оказалось, дверь ей открыла Светлана, и Людмила прямо с порога начала требовать, чтобы Светлана, эта случайная женщина, немедленно уступила свое место ей и вообще не смела удерживать то, что ей не принадлежит. Светлана сначала терпеливо слушала, потом указала гостье на дверь. Но справиться с одержимой Исиченко оказалось

не так-то просто.

– Твой муж принадлежит мне! – орала та. – Он любит меня и доказывал это неоднократно. Ты не можешь быть рядом с ним, он тебя только терпит из жалости, потому что ты была рядом столько лет и он не может выгнать тебя на улицу, как жалеют и не могут выгнать ставшую ненужной состарившуюся собаку. Так прояви же благородство, уйди с его дороги. Дай нам соединиться и быть вместе.

– С чего ты взяла, что он меня всего лишь терпит? – спросила ошарашенная Светлана.

– Да он сам мне говорит об этом каждый раз, когда я довожу его до экстаза.

Терпение Светланы лопнуло, она схватила Людмилу за руку и попыталась вытолкнуть ее из квартиры. Но не тут-то было. В руках у Людмилы неизвестно откуда оказался огромный нож для разделки мяса. Светлана завизжала и потеряла сознание от ужаса, очнувшись в больнице, в клинике нервных болезней, где пролежала после пережитого потрясения почти два месяца. Леонид ежедневно приходил к ней, клялся, что между ним и Людмилой никогда ничего не было, даже намек на близость, уверял, что Исиченко – обыкновенная сумасшедшая, которую нельзя принимать всерьез.

Постепенно состояние Светланы стабилизировалось, Леонид забрал ее домой, и они вместе выработали линию поведения, которая хоть в какой-то мере обезопасила бы их от сумасшедшей Исиченко. Суть нового курса была в том, что Леонид, как человек благородный, не может сейчас выгнать свою женщину, поскольку она тяжело больна. И больна, между прочим, по милости самой Людмилы. Поэтому должно пройти какое-то время, прежде чем Светлана достаточно окрепнет. Людмила же должна воздерживаться от общения с Леонидом и тем самым искупить свой грех перед ни в чем не повинной Светланой. Параскевич умел быть очень убедительным. И кроме того, он довольно искусно использовал овладевшие Людмилой бредовые идеи, чтобы внушить ей то, что считал нужным. Одним словом, они договорились, что, пока идет процесс искупления греха, им нельзя быть вместе, нельзя видаться и даже разговаривать. Ровно через год, сказал Леонид, они встретятся на том же самом месте, где разговаривают сейчас, и в тот же самый час и дальше пойдут по жизни рука об руку. Людмиле ничего не оставалось, кроме как согласиться. Других-то предложений все равно не было.

– Она превратила нашу жизнь в ад, – говорила Насте Светлана Параскевич. – Мы не могли спокойно ходить по улице, все время ждали, что она нас где-нибудь подкарауливает. Мы боялись открывать дверь, если не были предупреждены о визите заранее. И потом, знаете, меня все время точил червь недоверия. А вдруг они меня обманули? Вдруг Леня изменял мне с Людмилой? В общем, нам обоим все время было тяжело и как-то... ну, неприятно, что ли. Это постоянно висело в воздухе, мешало жить, мешало верить друг другу. Тогда мы и начали искать возможность обмена нашей квартиры, хотели переехать.

– А что произошло, когда год прошел?

Светлана задумчиво посмотрела на Настю.

– Леня умер. Примерно в это время. Эта идиотка даже на похороны притащилась. Я все боялась, что она начнет публично вещать о том, что предназначена для Лени, скандал начнется и все такое. Но, слава богу, обошлось, она вела себя тихо.

– Скажите, Светлана, вам не приходило в голову подозревать ее в убийстве вашего мужа?

– Нет, честно признаться. Я как-то о ней не подумала. Зачем ей его убивать, если она хотела с ним жить?

– Ну, видите ли, обещанный год прошел, и она могла разгневаться, поняв, что ее обманули.

– Но год же еще не прошел. Он только исполнился в тот день, когда Леня погиб...

После разговора со Светланой Настя вынуждена была снова ехать к Исиченко и уточнять у нее некоторые детали.

– Это правда, что Леонид обещал вам через год все устроить?

Исиченко стала мертвенно-бледной, отчего морщины на лице обозначились резче.

– Откуда вы знаете? Я не стану с вами разговаривать, пока вы не скажете мне, откуда вы это узнали.

– Мне Леонид сказал, – не моргнув глазом соврала Настя. В конце концов, чего мучиться, изобретая велосипед, когда на нем уже давно весь мир ездит.

– Леонид? Значит, вам тоже было видение?

– Было, – подтвердила Настя. – Он понял, что я хочу найти убийцу и помочь его мятущейся душе успокоиться, поэтому он пришел ко мне и рассказал про ваш договор.

– Он не велел мне ни с кем говорить об этом.

– Но это же было давно, – попыталась вывернуться Настя. – Ведь он не мог знать, что погибнет, иначе он снял бы свой запрет.

– Он запретил мне это уже после смерти.

– Значит, он вам является? – вырвалось у Насти прежде, чем она успела сообразить, что говорит очевидную глупость.

– Конечно, не вам же одной.

В голосе Исиченко снова зазвучали нотки высокомерного презрения.

– Людмила, почему вы не хотите помочь мне найти убийцу Леонида? – с упреком сказала Настя. – Вы – самый близкий ему человек, вы так много знаете о нем, он даже вступает с вами в контакт после смерти, значит, доверяет вам больше всех. Он не мог не сказать вам, кто и почему его убил. Я никогда не поверю, что вы этого не знаете.

Исиченко буквально позеленела, лицо ее перекосилось от ужаса и ненависти.

– Да, – гордо сказала она, – я знаю, кто его убил. Но вам я этого не скажу.

– Почему же?

– Потому.

– Людмила, не забывайте, мне тоже было видение. Леонид мне сказал, что говорил с вами о том, кто и почему его убил. Более того, он сказал мне, что велел вам ни в коем случае не скрывать этого, если кто-то спросит. Вы что же, собираетесь нарушить его волю?

Исиченко молчала, уставившись глазами в свои острые колени, туго обтянутые желтыми брюками.

– Я жду, Людмила. Что вам говорил Леонид?

Настя блефовала отчаянно и безоглядно, но в конце концов рисковала она не так уж сильно. Даже если ее догадки по поводу содержания психопатического бреда Исиченко неверны и Леонид Параскевич ничего подобного Людмиле не говорил, не велел и не запрещал, всегда можно отговориться тем, что уж ей-то, Насте Каменской, он на самом деле являлся. Проверить это невозможно. А тот факт, что сказанное Насте не совпадает со словами, сказанными Людмиле, – что ж, дело житейское, призраки тоже могут говорить неправду, мало ли по каким причинам. Особенно беспокоила Настю фраза, сказанная Исиченко в прошлый раз: «Леонид должен был умереть, чтобы понять это». Нехорошая, прямо скажем, фраза. Даже если разделить ее на степень психического нездоровья Людмилы, все равно от нее веет чем-то криминальным.

Наконец Исиченко подняла голову и уставилась на Настю темными глазами, в которых горел болезненный и яростный огонь.

– Он предупредил меня перед смертью, что должен умереть, иначе мы никогда не сможем соединиться. Только в смерти он будет принадлежать мне целиком и безраздельно. Поэтому в тот день, когда исполнится год с момента заключения нашего договора, он покинет этот мир.

«Ну, здравствуйте, приехали, – в отчаянии подумала Настя. – Сейчас она начнет натягивать на самоубийство. Никаким суицидом там и не пахнет, оружие валялось слишком далеко от трупа, и выстрел был произведен с расстояния больше двух метров».

– Каким образом он предупредил вас об этом? – терпеливо спросила она. – Он к вам приходил накануне гибели?

– Нет, это было бы нарушением договора. Он мне позвонил и сказал, что, пока принадлежит этому миру, мы не сможем быть вместе. У него слишком много земных долгов и обязательств, которые он должен отдавать и выполнять, а наш союз предначертан свыше и не может совмещаться с суетой земного бытия. Но после смерти мы будем вместе вечно.

– Он так и сказал – после смерти?

– Да, так и сказал.

– Может быть, он имел в виду не свою смерть?

– А чью же?

– Вашу, например. Или смерть Светланы.

– Если бы он хотел моей смерти, он бы сказал мне об этом. Если бы он хотел смерти этой женщины, он бы убил ее. Нет, он хотел смерти именно для себя. И он ее получил. Он говорил: очень важно, чтобы смерть настала до наступления полуночи в тот день, когда исполнился год. Если смерть запоздает хотя бы на минуту, мы не сможем соединиться.

– И что же? – Настя сделала глупое лицо. – Успел Леонид покинуть этот мир до наступления полуночи?

Исиченко медленно поднялась с дивана, на котором сидела, сгорбившись, распрямила спину, вздернула подбородок и окинула Настю сияющим взглядом.

– Вы же видите, мы вместе. Значит, все получилось как он хотел.

– Скажите, Людмила, а вы не помогали ему осуществить этот замысел?

– Я всегда и во всем помогала Леониду.

– Значит, плохо помогали, – с внезапной злостью сказала Настя. – Потому что Леонид Параскевич ушел из жизни через тридцать минут после наступления полуночи. И я вынуждена сделать вывод, что или меня обманываете вы, Людмила, или вас саму обманывает кто-то еще. У вас есть близкие родственники?

– Какое это имеет отношение к Леониду?

– Никакого, поэтому я и спрашиваю. Есть или нет?

– Есть двоюродные сестры отца, но они уже старые.

– А ваши родители?

– Умерли. Давно уже.

– У этих двоюродных сестер есть семьи, дети?

– Да, конечно. Но я не понимаю...

– И не надо. Кем были ваши родители, чем занимались?

– Отец был искусствоведом и коллекционером, очень известным.

– Значит, вы – богатая наследница?

– Это все предназначалось Леониду.

– А если бы вы не встретили Параскевича?

– Я должна была его встретить, это было предначертано свыше.

«О боже, – взмолилась Настя, – дай мне силы это вынести. Если она еще раз вякнет про предназначение, я задушу ее собственными руками».

– Ваши родственники знали о наследстве?

– Разумеется. Они много раз заговаривали со мной об этом, но я им объяснила, что все это принадлежит тому единственному мужчине...

Из квартиры Исиченко Настя вышла обессиленная, словно только что разгрузила на овощебазе вагон картошки. По дороге в городскую прокуратуру она пыталась сложить из полубредовых высказываний Людмилы более или менее связный рассказ. Ей все время мешало желание отделить бред от реалий, но в конце концов Настя поняла, что занятие это пустое, поскольку пришла к твердому убеждению, что, кроме очевидного бреда и вполне реальных событий, здесь имел место какой-то ловкий обман, который и не позволяет четко отделить сумасшествие от действительности, цементирует их, сплетает в единое целое.

На следователя Ольшанского было жалко смотреть, его скрутил очередной приступ гастрита, который заставлял Константина Михайловича сидеть за столом ссутулившись и не давал ему расправить плечи.

– Ты не обращай на меня внимания, – проскрипел он несчастным голосом, когда Настя разохалась по поводу его болезненного вида. – Я уже съел все, что причитается, – и аллохол, и смекту, и фосфалюгель, теперь остается ждать, когда подействует.

– А когда подействует? – с сочувствием спросила она.

– Минут через двадцать, если повезет.

– А если не повезет?

– Начну глотать по новой. Рассказывай, что нового узнала.

– Константин Михайлович, у нас в процессе отработки ревности выплыла одна странная особа – Исиченко Людмила Борисовна. Во-первых, она совершенно сумасшедшая, и это сильно нас с вами ограничивает. Верить ей нельзя, допрашивать ее нельзя, с ней вообще нельзя иметь дело. Во-вторых, если она не сумасшедшая, то она вполне могла убить Параскевича, ревность там, судя по всему, безразмерная и неконтролируемая. В-третьих, она могла убить

Параскевича и в том случае, если она все-таки сумасшедшая, мотив у нее, как я уже сказала, был весьма мощный. И в-четвертых, Исиченко действительно больная женщина, но Параскевича убила не она, а ее родственники, которые позарились на наследство. Исиченко весьма, как выяснилось, богатая наследница, но имела намерение все это положить к ногам гениального романиста. Вот такой салат «оливье».

– Это не салат, это стрихнин какой-то, – поморщился Ольшанский. – Вот только сумасшедших нам с тобой и не хватает, давно что-то их не было. Слушай, а она что, совсем того? Или, может, только чуть-чуть?

– Константин Михайлович, я в психиатрии дилетант, но даже мне понятно, что Исиченко невменяема. Но это только в том случае, если она не врет. Она вполне может оказаться гениальной актрисой. Бред у нее систематизированный, то есть логичный, внутренне связанный, охватывающий целый ряд внешних событий и дающий им объяснение. При этом она хорошо ориентируется в окружающей действительности, так что все это вполне можно было бы причислить к бреду воображения, если бы не одно «но». У нее галлюцинации. Ей, видите ли, является призрак покойного Параскевича и ведет с ней долгие душещипательные беседы. Исиченко утверждает, что накануне гибели Параскевич позвонил ей и высказывал идеи необходимости собственной смерти, после которой он сможет соединиться с ней навечно. Теперь смотрите, какие картинки я вам буду рисовать.

– Страшные картинки-то? – поинтересовался Ольшанский, морщась от очередного приступа боли.

– Жуть. Значит, так. Явление первое. Родственники, раздосадованные тем, что богатейшая коллекция живописи и антиквариата уйдет какому-то писаке, принимают соответствующие меры. Поскольку Людмила ни от кого своих бредовых идей не скрывает, более того, она как бы даже гордится ими, то родственники, естественно, полностью в курсе дела. Они звонят ей по телефону, имитируют голос Параскевича и просят помочь уйти из жизни. Текст может быть примерно таким: «Любимая, я должен соединиться с тобой, но это возможно только в том случае, если такого-то числа до наступления полуночи я умру. Помоги мне. Я не могу сам уйти из жизни, религия запрещает самоубийство и считает это грехом. Возьми оружие, оно будет лежать там-то и там-то, и жди меня на лестничном балконе в доме по такому-то адресу...» Ну и так далее. Если текст будет хорошо вписываться в бредовую систему Исиченко,

она вполне может всему поверить. В крайнем случае можно проконсультироваться у психиатра. Людмиле в любом случае ничего не грозит, судебно-психиатрическая экспертиза признает ее невменяемой, и суд отправит ее на принудительное лечение. После этого через определенное время оформляется опека над утратившей дееспособность Исиченко, и дело в шляпе. Все денежки плавно перетекают к родственникам.

– Все это отлично, но ведь те, кто позвонил Людмиле, должны были понимать, что она может перепроверить их слова. Представь себе, через полчаса после звонка она сама звонит Параскевичу и спрашивает: «Милый, я забыла, где должен лежать пистолет?» И все, обман раскрыт.

– Не-а. Параскевич за несколько дней до смерти переехал в новый дом на окраине Москвы, и там не было телефона. Так что Исиченко при всем желании не могла бы ему позвонить.

– Но она могла прийти к нему.

– Не могла. Я же сказала, он только что переехал. Причем нового адреса он ей не давал, поскольку вообще старался скрыться от нее.

– Ладно, твоя взяла. Рисуй следующий пейзаж.

– Следующий пейзаж у нас разворачивается на фоне безумной любви Исиченко к Леониду Параскевичу. Поняв, что он не собирается оставлять жену, она вполне самостоятельно приходит к выводу о том, что мерзавцу не место среди живых. Никто ее не подбивает и не обманывает, она приобретает оружие и подстерегает неверного на лестничной площадке возле лифта. Весь вопрос только в том, больна она или здорова. Ведь выдаваемый ею бред может оказаться симуляцией. Но тогда нужно признать, что возникает пейзаж номер три, совершенно кошмарный, на разгадывании которого мы с вами, Константин Михайлович, все мозги до дыр протрем.

– Ой, напугала, – замахал руками Ольшанский. – Мне, например, терять нечего, у меня и так в голове одни дыры остались.

– Видите ли, бред у Людмилы Исиченко появился не сегодня и не вчера. Идея овладела ею достаточно давно, во всяком случае, год назад она приходила

домой к Параскевичу и рассказывала его жене о том, что Леонид предназначен ей свыше. Если допустить, что Людмила совершенно здорова, то придется признать, как это ни прискорбно, что мы имеем дело с тщательно срежиссированной мистификацией, которая началась чуть ли не полтора года назад. Кому это нужно? Какова цель? Кто получает от этого выгоду? У меня ум за разум заходит. Ведь жизнь Параскевича кажется абсолютно открытой, в ней нет ни тайн, ни темных пятен, ни подозрительных знакомых – ну совсем ничего. Безумно талантливый застенчивый мямля, который не умеет сказать «нет» и послать подальше, задавленный деспотичной матушкой и исподтишка ненавидящий ее, позволяющий себе робкие сексуальные излишества, но в основном только для того, чтобы покопаться в душе очередной женщины и набраться новых знаний, которые он не без успеха потом использует в очередном романе. Кому нужно полтора года вести облаву на такого человека? Кому он мог помешать?

– Эка ты, Каменская, горазда вопросы-то задавать, – покачал головой следователь. – Вот иди домой, выпишь и подумай как следует над ответами. А чего? Вопросы ты ставишь абсолютно правильные и грамотные, вот и попробуй на них ответить.

– Ну, Константин Михайлович... – Настя даже задохнулась от возмущения, потом от души рассмеялась. – Тогда разрешите Мише Доценко встретиться с женой Параскевича.

– Это еще зачем?

– Пусть он поговорит с ней на тему ревности. Понимаете, если Светлана изменяла мужу, то она скорее признается в этом мужчине, чем женщине.

– Да ну?

– Вот вам и «да ну», – передразнила она. – Мишаня – красавец, каких поискать, я его все время на таких мероприятиях использую. Замужние женщины очень часто признаются ему в супружеских изменах, потому что за этим кроется вполне очевидный подтекст: я не очень-то привязана к своему мужу, так что тебе, черноглазый котик, вполне может обломиться. Если Миша сумеет понравиться женщине, она ни за что не станет притворяться целомудренной, если таковой на самом деле не является, сто раз проверено.

– Слушай, Настасья, ты мне так голову заморочила, что даже гастрит испугался и отступил. Делай как знаешь.

* * *

Когда дверь за женщиной из милиции закрылась, Людмила Исиченко схватила веник и совок и принялась исступленно подметать в комнате и прихожей, потом схватила тряпку и тщательно вымыла полы, двигаясь от окна в комнате к входной двери.

– Чтобы ты никогда сюда не возвращалась, – бормотала она, – и пусть твой дух отвратит тебя от моего дома.

Закончив уборку, она сняла желтый костюм и надела точно такой же, но фиолетовый, который шел ей еще меньше. В фиолетовом она казалась совсем старухой. Леонид велел ей принимать чужих людей только в желтом, а с ним самим общаться только в фиолетовом. Людмила не смела ослушаться, она боготворила Параскевича и считала его своим повелителем. Вчера он обещал появиться между восемью и девятью вечера, но она начинала готовиться к его появлению заранее: переодевалась, ставила на стол семь свечей, которые следовало зажечь в первые же минуты после его прихода.

Она достала из коробки семь новеньких свечек, а из ящика старинного серванта – семь подсвечников, расставила их на столе в том порядке, которого требовал Леонид, и начала ждать. Уселась в кресло и погрузилась в тупое оцепенение. Ровно в восемь вечера раздался телефонный звонок.

– Я иду к тебе, – прошелестел далекий и неземной голос. – Готовься и жди меня, я иду к тебе...

Людмила вскочила с кресла и судорожно заметалась по квартире. Нужно выключить лампы и люстры, Леонид не переносит яркого света. Зато в момент его появления непременно должна звучать месса си минор Баха. В большой комнате стоит музыкальный центр с четырьмя колонками, колонки следует поставить особым образом, чтобы звук концентрировался в том месте, на которое указывал Леонид. Она быстро повернула акустические колонки так, как нужно, включила музыку на полную мощность, погасила свет и стала

напряженно ждать.

Леонид возник, как всегда, неожиданно. Ни разу не удалось ей уловить момент, когда он возникал в ее комнате. Вот только что его не было, и вдруг – стоит по другую сторону стола. Людмила кинулась зажигать свечи, когда седьмая свеча загорелась, она повернула ручку и уменьшила громкость мессы.

– Сегодня ко мне еще раз приходили из милиции, – быстро сказала она, боясь, что Леонид может исчезнуть, а она не успеет посоветоваться с ним насчет самого главного.

Так уже бывало раньше, иногда он беседовал с ней минут по десять-пятнадцать, а иногда уходил почти сразу после появления.

– Зачем? Что они хотели?

Голос его был тихим и каким-то неземным, и Людмиле приходилось сильно напрягаться, чтобы слышать его. Леонид не разрешал включать музыку, он только позволял делать ее совсем тихой, но церковная музыка все равно должна была звучать. И подойти поближе к нему Людмила не могла, хотя Леонид и предлагал ей это. Она боялась. Они всегда стояли по разные стороны стола, разделенные семью горящими свечами, и Людмила любовалась самым прекрасным на свете лицом. Она готова была все отдать за право смотреть на него двадцать четыре часа в сутки.

– Они спрашивали, не говорил ли ты мне, кто тебя убил.

– И что ты им ответила?

– Ничего. Я ничего им не сказала.

– Ты согрешила, – сурово и тихо произнес Леонид. – Не для того я ушел из жизни, чтобы идти по вечности рядом с лживой грешницей. Ты должна была признаться во всем.

– Но как я могла, – залепетала Людмила, не сводя глаз с обожаемого лица.

– Ты должна была признаться. И если ты не сделала этого сегодня, то сделаешь это завтра. На тебе лежит великая вина за болезнь Светланы и за то, что ты пыталась ее убить. Я пожалел тебя тогда и никому не сказал, из-за чего у нее случилось нервное расстройство, а ведь я мог бы всем рассказать, что ты пыталась ее убить, что ты проникла в мой дом, принесла с собой огромный мясницкий нож. Но я пожалел тебя и предал Светлану, которая ни в чем не виновата. Врачи думали, что у нее были галлюцинации, что ей привиделась женщина с ножом, а я промолчал и не сказал, что это было в действительности. Она перенесла очень тяжелое лечение, она так страдала, бедная невинная жертва, и виноваты в этом мы. Ты и я. Эта вина лежала на нас тяжким бременем, и поэтому мы не могли быть вместе в земной жизни. Один из нас должен был уйти отсюда в лучший мир. И снова я пожертвовал собой, я оставил больную и беспомощную Светлану одну и ушел в мир мертвых. А ты? Что сделала ты, чтобы искупить свой грех?

– Я помогла тебе, – пробормотала Людмила. – Я сделала все, как ты велел. Разве этого недостаточно, чтобы заслужить право быть всегда рядом с тобой?

– Ты должна очиститься от скверны греха. – Голос призрака стал еще тише, и Людмила вся обратилась в слух. – Ты должна признаться во всем и покаяться. Иначе не будет покоя ни мне, ни тебе. Твоя расплата будет суровой, но ты должна быть к этому готова.

– Расплата? О чем ты говоришь?

– Ты признаешься в том, что помогла мне уйти, ты все расскажешь, тебя отправят в больницу и начнут лечить так больно и мучительно, что смерть покажется тебе избавлением. Но умереть тебе не дадут. Это и будет та кара, которая настигнет тебя за твой грех, за то, что ты сотворила со Светланой.

– Но я не хочу! – чуть не закричала Людмила. – Я не хочу! Я хочу быть с тобой!

– Тогда иди ко мне, – прошелестел голос Леонида. – Иди ко мне, любимая. Признайся во всем, покайся и иди ко мне. Тогда нас уже ничто не разлучит. Пусть музыка звучит громче, я ухожу...

Людмила покорно, как загипнотизированная, повернула ручку, и месса снова зазвучала на полную мощность. Она стала одну за другой гасить свечи, не сводя

глаз с любимого лица, которое, казалось, постепенно растворялось в темноте. Как всегда после появления призрака, на нее нашел ступор. Она неподвижно стояла посреди комнаты возле стола, и ей казалось, что она спит. Людмила знала, что сама не сможет стряхнуть тяжелое оцепенение, оно пройдет, как только закончится музыка. Мысли текли вяло, руки и ноги были словно свинцом налиты.

Хорошо, она сделает все так, как он хочет. Он – ее повелитель, она – его покорная раба и подчинится его воле.

Глава 5

Нугзар Бокучава, генеральный директор издательства «Вирд», ждал прихода Светланы Параскевич с легким раздражением и большим любопытством. Он уже знал о том, что «Павлин» купил у нее за двадцать пять тысяч долларов последний бестселлер знаменитого романиста, и был обижен на вдову писателя. Почему она предложила рукопись этому жирному Пашке? Ведь Нугзар всегда платил Параскевичу гонорары выше, чем остальные четверо издателей. Они давали ему за каждую двенадцатилистовую рукопись по восемьсот-девятьсот долларов, а он, Нугзар, – по девятьсот пятьдесят и даже два раза по тысяче. Так почему она не пришла к нему?

Он то и дело нетерпеливо поглядывал в окно и наконец увидел, как подъехали старенькие «Жигули», на которых раньше ездил Леонид. Нугзар тут же нажал кнопку селектора.

– Рита, быстро кофе, коньяк, конфеты. И не забудь подарок к Новому году. Она идет.

Вскочив с кресла, Бокучава подошел к зеркалу, пригладил волосы, поправил галстук. Жирный Пашка в деталях пересказал ему эпопею с визитом Светланы, и Нугзар извлек для себя полезный урок. Он не станет вести себя так глупо.

Когда открылась дверь, он стремительно встал и сделал несколько шагов навстречу женщине.

– Светлана! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть.

Поцеловав ей руку, он усадил вдову не на стул напротив своего стола, а подвел к мягким креслам в углу кабинета.

– Мы все скорбим вместе с тобой, дорогая, – начал он проникновенно. – Хотя я понимаю, что горечь твоей утраты несоизмеримо больше. У тебя какие-то трудности? Только скажи, я все сделаю, чтобы тебе помочь.

Лицо Светланы было серьезным и грустным, но глаз у Нугзара Бокучавы был наметанным. Уж больно хорошо она выглядит для неутешной вдовы. Наверное, уже нашла себе хахаля. А может, он у нее давно был, и теперь, после гибели Леонида, у нее руки развязаны. А вдруг это ее любовник Леньку... того?.. Да нет, одернул сам себя издатель, она же не сумасшедшая, чтобы своими руками убирать источник постоянного дохода. На что она жить-то будет без Лениных романов? На доходы от переизданий? Но это быстро кончится. Двадцать семь любовных романов, даже если каждый переиздать по два раза, – это не больше сорока тысяч долларов, ведь гонорар за переиздание намного меньше, чем за первую публикацию. Ну сколько она протянет на эти сорок тысяч? Должна же сама понимать, не маленькая.

– Спасибо, Нугзар, – сказала она. – Ты же знаешь, у меня только одна проблема, но в ее решении мне никто не поможет. Лени больше нет, и мне нужно научиться жить без него.

Хорошенькая Рита вкатил в кабинет столик с кофейником, чашками, конфетами, бутылкой хорошего коньяка и крохотными рюмочками. На нижней полке столика лежал большой, нарядно оформленный пакет. Бокучава слегка кивнул Рите.

– Светлана Игоревна, в нашем издательстве очень любили и ценили вашего мужа. Пожалуйста, примите наш новогодний подарок, это от всех нас, от всего коллектива, – сказала девушка, протягивая Светлане пакет.

– Спасибо, милая, – величественно кивнула Параскевич. – Я тронута. Я понимаю, что это подарок не мне, а Лене. Но я его приму в память о нем.

Рита вышла, плотно притворив за собой дверь. Нугзар подошел к сейфу и вынул из него небольшую коробочку.

– А это – лично от меня.

Он открыл футляр и протянул его Светлане. На темном бархате переливалась толстая золотая цепь от Картье.

– Ну что ты! – Светлана отрицательно покачала головой. – За что? Я этого не заслужила. Не нужно, Нугзар, убери это.

– Нужно.

Он ласково, но настойчиво вложил футляр в ее руку.

– Ты была рядом с Леонидом все эти годы, ты была его верной помощницей и опорой. Без тебя он бы не стал тем, кем стал. Мы все это понимаем, и я – в первую очередь.

– Почему ты?

– Потому что Леонид много раз говорил мне об этом. Говорил, как помогает твоя поддержка, твои советы, само твое существование. Он очень тебя любил, Света, и кто бы что ни говорил – никому не верь. Я знаю, что говорю. Он любил тебя, и эта любовь помогала ему писать свои великолепные книги.

Нугзар приготовил речь заранее, еще тогда, когда сам ездил по ювелирным магазинам выбирать цепь для Светланы. Когда она вчера позвонила и предупредила, что приедет сегодня, он сразу понял, что это неспроста. Ей что-то нужно. Но коль так, то и он, Бокучава, не должен упускать своего. Ему нужны права на переиздание всех романов Параскевича.

– Что ж... – Она помолчала, потом вздохнула. – Спасибо, Нугзар. Ты всегда был джентльменом. К сожалению, мне нечего подарить тебе к Новому году, разве что...

Она взяла стоящую на полу рядом с ней большую сумку и вынула папку. Обыкновенную папку, точь-в-точь такую, в каких обычно приносил свои рукописи Леонид.

– Это новый роман Лени. Он закончил его незадолго до убийства.

Бокучава похолодел. Ну и сука! Он-то к ней – как к человеку, на цепь потратился, хвост распустил, кофейку, коньячку, не надо ли помочь, а она... Надуть его хочет? Совсем за идиота принимает, думает, что Пашка ничего ему не сказал? Ну дрянь, ну мерзавка! Ничего, он ей покажет.

Взяв у нее из рук папку, Нугзар дрожащими от негодования пальцами развязал ленточки и взглянул на титульный лист. «Ненависть бывает розовой». Странно. А Пашка говорил, что та рукопись, которую ему продала Светлана, называется «Актриса для убийцы». Или что-то в этом роде... Но это, конечно, ерунда, титульный лист можно переделать и любое название напечатать. Главное – текст.

– Разве это не та рукопись, которую ты продала «Павлину»? – осторожно спросил он, не выпуская папки из рук.

– Нет, – коротко ответила Светлана, ничуть не удивившись, видно, ждала такого вопроса.

– Ты не будешь возражать, если я проверю?

– Конечно, Нугзар, проверяй. Но прямо сейчас, при мне, потому что рукопись я тебе не оставляю.

Он сел за стол и набрал номер телефона издательства «Павлин».

– Паша? Это я. У тебя новый роман Параскевича под рукой? Перешли мне по факсу начало первой, третьей и пятой глав. Нет, не конкретные страницы, а те, на которых начинаются эти главы. Потом объясню. Потом, Паша, потом, сделай, пожалуйста, что я прошу. Да, прямо сейчас.

С тех пор как многие авторы стали работать на компьютерах, Нугзар Бокучава научился распознавать множество маленьких хитростей, которые были невозможны в те времена, когда рукописи печатались в нескольких экземплярах на машинке под копирку. Отпечатанные на машинке экземпляры были совершенно идентичны, а распечатанные на принтере варианты могли очень сильно различаться. Все зависело от того, как расставить на компьютере страницы, какой сделать межстрочный интервал, сколько знаков в одной строке. И тогда в одном варианте какой-то эпизод мог, например, находиться на странице 45, а в другом на странице 37 или 59. Так что без толку просить у Паши конкретные номера страниц и сравнивать их с этими же страницами в той рукописи, которую принесла сейчас Светлана. На них может оказаться совсем разный текст, но это вовсе не означает, что речь идет о разных романах. Если эта особа намеревается провести его как мальчишку, то ничего у нее не выйдет. Не на такого нарвалась.

Светлана между тем не проявляла ни малейших признаков нервозности, спокойно налила себе кофе, плеснула туда коньяку и закурила.

– Я тебя не обманываю, Нугзар, – сказала она, – но ты в своем праве, так что я не обижаюсь. Проверь. Все-таки речь пойдет о больших деньгах.

Он промолчал, боясь сказать лишнее или ненужное, такое, о чем сам потом пожалеет. Зажужжал факс, и на стол плавно выплыла длинная бумажная лента с текстом. Бокучава неторопливо, с трудом сдерживая нетерпение, открыл папку и вытащил три листа – начало первой, третьей и пятой глав. Тексты были абсолютно разными, разными были и имена персонажей. Бегло проглядев все страницы, Нугзар понял, что они действительно «не про то».

– Ну как? – подала голос Светлана. – Убедился?

– Не верю своим глазам, – развел руками издатель. – Когда же Леонид успел это написать? Два романа – это же не два дня работы.

– Леня работал очень быстро, вы все прекрасно это знаете. Его норма была – полтора авторских листа в день. Главное – замысел, интрига, характеры. Он мог неделями не работать, бродил по квартире, думал, выстраивал сюжет, придумывал персонажи. А когда все было придумано, садился и гнал текст. Он написал значительно больше, чем вы думаете.

– Почему же он все это не публиковал?

– Потому что не хотел получать за это те жалкие крохи, которые вы ему платили. Он работал на вас, потому что вы на коленях умоляли помочь издательству встать на ноги, залатать финансовые дыры. И он не отказывал, потому что считал вас своими друзьями. С тобой, Нугзар, он учился в школе, с Анной – в университете. Пашу привел ты, и Леня посчитал, что твой друг – это и его друг и он обязан выполнить твою слезную просьбу и помочь ему. И с остальными было то же самое. Но в глубине души он надеялся, что найдется наконец честный издатель, который предложит ему человеческий гонорар. И вот для него он создавал резерв, чтобы сразу же продать ему несколько рукописей.

– И большой резерв? – осторожно спросил Нугзар, изо всех сил пытаясь не выдать охватившего его волнения.

– Большой, – усмехнулась Светлана. – На мой век хватит.

«А на мой?» – чуть было не сорвалось с языка у Нугзара, но он вовремя удержался.

Вот, значит, в чем дело. У нее есть рукописи новых романов Параскевича. Посмертные издания! Бог мой, какие деньги на этом можно сделать! Нужна хорошая, грамотная реклама, нужно подогреть интерес читателей, организовать несколько статей в самых читаемых газетах и обязательно передачу на телевидении, обыграть обстоятельства таинственной гибели, намекнуть на что-нибудь эдакое... И все, дело сделано. В России не будет ни одной женщины, которая не купит его книги. Это же миллионные тиражи! А уж прибыль... Даже подумать страшно.

Но ему придется, судя по всему, дорого заплатить за эти рукописи. Светлана – не Леонид, она стесняться не станет, потребует процент с реализации тиража. Можно, конечно, попытаться ее надуть, она не сможет выяснить в типографии, сколько книг отпечатано на самом деле. В выходных данных будет указано 100 тысяч экземпляров, и поди проверь, сколько их было. В типографии тоже не дураки сидят, они ей правды не скажут. Но вдруг? Вдруг дознается? Она ни за что не отдаст все рукописи сразу, будет продавать ему по одной, и если обнаружит обман, то дальнейшие отношения прервутся в один момент. Больше он ни одной рукописи не получит. Значит, с ней надо вести себя честно, но это

означает, что платить ей придется очень большие деньги. А жалко. Ну прямо до смерти жалко.

Но выход есть, подумал Бокучава. Есть выход. Нужно только очень постараться. Окрутить Светлану, сделать своей любовницей, потом, может быть, женой, ради таких денег можно и развестись с Любой, все равно она ему уже надоела. Тогда все доходы – в общий котел, и никаких расходов. Да, это выход. Когда родничок иссякнет и с посмертных изданий Параскевича он снимет столько урожаев, сколько сможет, тогда можно будет и Светлану бросить, предварительно перекачав заработанные на ее покойном муженьке денежки в такие банки и на такие счета, где ей эти деньги ни за что не достать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/chuzhaya-mask>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)